

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.029

УДК 81'373.231 + 94(470)“16” + 27-865.8 + 27-526.62 + 81'373.231:27-564 +
+ 811.161.1:271.2“16” + 641.512.3

Екатерина Станиславовна Евдокимова¹

Анна Феликсовна Литвина²

Федор Борисович Успенский³

¹аспирантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4); специалист 1-й категории Российского государственного архива древних актов (119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17)

E-mail: dostoevskij98@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-8522-2317>

²кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований, доцент Школы филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4)

E-mail: annalitvina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

³доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2)

E-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

Имена и именины в расходных книгах Патриаршего двора XVII в.

Аннотация

Исследование посвящено репрезентации именин в малоизученном и по большей части неопубликованном корпусе источников — в расходных книгах Патриаршего двора. Эти материалы напоминают своеобразную книгу бухгалтерского учета — здесь под каждым днем того или иного года зафиксированы траты средств из казны Патриаршего двора. Одной из постоянных расходных статей являлось дарение икон. Благословение иконами всегда происходило по каким-то случаям, которые надежно фиксировались в расходной книге. Самым часто упоминаемым поводом оказывался именинный день визитеров Патриаршего двора. Приходившие к патриарху именинники приносили в качестве дара пирог, а сами получали благословение и иконописный образ, что и стало причиной занесения этих данных в расходные книги. Большинство подобных визитов точно совпадает с датами празднований святым тезкам визитеров, что позволяет составить своеобразный календарь русского имянаречения XVII в. В статье демонстрируется, что кажущаяся «непунктуальность» отдельных именинников зачастую спровоцирована таким явлением, как светская христианская двуименность, когда крестильное имя человека не совпадало с именем, под которым он широко известен в документах. Таким образом удастся обнаружить целый ряд прежде неизвестных имен известных лиц. В статье также рассматривается взаимосвязь индивидуальных праздников и церковного календарного цикла, прежде всего проблема именин и поста. Показано, как традиция подношения пирогов соблюдалась царской семьей и какие стратегии празднования именин ею избирались. Сопоставление расходных книг с другими источниками позволяет существенно расширить наши

представления об уникальной русской традиции празднования именин в целом. Приложение к статье являет собой список святых, чьи имена, согласно свидетельствам расходных книг Патриаршего двора, были востребованы при выборе крестильных имен в XVII в. Список ранжирован по степени популярности того или иного святого в имянаречении.

Ключевые слова

антропонимия; Русь XVII в.; именины; имянаречение; крестильное имя; церковный календарь; культ святых; почитание личных небесных покровителей; светская христианская двуименность; именинный пирог

Благодарности

При подготовке публикации использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

Для цитирования

Евдокимова Е. С., Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Имена и именины в расходных книгах Патриаршего двора XVII в. // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 39–83. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.029

Рукопись поступила в редакцию 05.02.2025

Рукопись принята к печати 22.06.2025

Ekaterina Stanislavovna EVDOKIMOVA¹

Anna Feliksovna LITVINA²

Fjodor Borisovich USPENSKIY³

¹Postgraduate student, National Research University *Higher School of Economics* (21/4, Staraya Basmanaya St., 105066 Moscow, Russia); first-category specialist, Russian State Archive of Ancient Documents (17, Bolshaya Pirogovskaya St., 119435 Moscow, Russia)

Email: dostoevskij98@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-8522-2317>

²PhD, Leading Researcher, Laboratory of Linguistic and Semiotic Research; Associate Professor, School of Philology, National Research University *Higher School of Economics* (21/4, Staraya Basmanaya St., 105066 Moscow, Russia)

Email: annalitvina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

³DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS (18/2, Volkhonka St., 119019 Moscow, Russia)

Email: fjodor.uspenskiy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

Names and Name Days in the Accounting Books of the Patriarch's Court of the 17th Century

Abstract

This article examines the records of name days in a little-studied and largely unpublished source — the accounting books of the Patriarchal Court. These archival registers, which resemble financial

ledgers, list daily expenditures from the Patriarchal treasury, including a recurring item — the bestowal of icons as blessings. Such blessings were routinely given to individuals visiting the Patriarch on the occasion of their name day, an event that was typically marked by the presentation of a pie from the guest and the receipt of an icon in return. Since these occasions were carefully recorded, the accounting books provide a rare empirical window into the social practice of name-day observance in Muscovite Russia. A comparative analysis with the Eastern Christian calendar shows that most visits correspond precisely with the commemorations of baptismal name saints. This alignment makes it possible to identify the patron saints associated with individuals named in the sources. The article also explores anomalous or “untimely” name-day celebrations, offering hypotheses for such deviations, one of which may relate to the practice of dual Christian names. Further attention is given to the liturgical calendar, particularly the intersection between name-day observances and periods of fasting, as well as the ceremonial strategies adopted by members of the royal family. These findings shed new light on the uniquely Russian tradition of name-day celebration, its calendar logic, and its integration into both lay and elite devotional life. The appendix provides a ranked list of saints whose names were most frequently recorded in the Patriarchal Court supplies books, offering a quantitative insight into name-day patterns and the popularity of particular saintly patrons.

Keywords

anthroponymy; Russia of the 17th century; name days; naming; baptismal name; church calendar; cult of saints; veneration of personal heavenly patrons; dual Christian naming; name-day pie

Acknowledgements

The publication was prepared using the results of the project *Language, Literature, Culture in the Historical and Social Dimension*, implemented within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2025.

For citation

Evdokimova, E. S., Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2025). Names and Name Days in the Accounting Books of the Patriarch's Court of the 17th Century. *Voprosy onomastiki*, 22(3), 39–83. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.029

Received on 5 February 2025

Accepted on 22 June 2025

Вводные замечания

Празднование именин — одна из самых долгоживущих культурных практик на Руси, применительно к концу XI в. она фиксируется в древнейшем летописании как нечто уже вполне устоявшееся, оформленное и всем понятное. Более того, именно в качестве общераспространенного и общепринятого обычая празднование именин можно назвать одной из уникальных характеристик русского Средневековья — в таком виде мы не найдем его ни в Византии, ни в Болгарии, ни в Скандинавии, ни в Сербии. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, насколько русские именины не похожи ни на *славу*, ни на *именден*, ни на *nafnedag*, так что, даже переводя все эти слова как «именины», мы отчасти вводим читателя в заблуждение.

В самом деле, в Древней Руси, как, пожалуй, нигде более, крещение было неразрывным образом связано с наречением в честь христианского святого, а почитание этого небесного тезки приобретало характер индивидуализированного культа. Материальное воплощение подобного культа весьма многообразно и многоступенчато — от строительства целого монастыря или церкви, посвященной соименному покровителю (такую практику мы наблюдаем уже с первых поколений крещеных Рюриковичей), до заказа небольшой дробницы или иконы с его изображением. День памяти совершенно определенного святого, в честь которого человека нарекли, сопровождал христианина на протяжении всей жизни и после кончины — именно на эту дату назначались моления о здравии и поминальные корма за упокой, причем церковное благочестие тесно переплеталось здесь с ритуалами светского характера.

Календарная приуроченность в этой традиции довольно быстро занимает весьма существенное место: крестильное имя человеку всего охотнее подбирали так, чтобы празднование его святому тезке — собственно, именины — недалеко отстояло от дня появления на свет или совпадало с ним, а соответственно, наличие или отсутствия временного зазора между днем рождения и именинами могло обыгрываться и обрастать дополнительными традициями. Едва ли не самой мощной из них стала практика светской христианской двуименности, сформировавшаяся не позднее конца XIII в., когда одно из имен (чаще всего крестильное) давалось в честь святого, чье поминовение выпало на самый день рождения, а другое — публичное, в большей мере соответствующее семейным предпочтениям и родовым традициям, подбиралось более свободно, но, как правило, так, чтобы поминовение этому второму святому тезке не слишком далеко отстояло от первого в календаре.

Подобная двуименность была явлением довольно распространенным, но отнюдь не обязательным. Именины же — день своего святого тезки по крестильному имени — так или иначе чтили все: этот день являлся, если так можно выразиться, главным индивидуальным праздником для каждого человека, подобно тому как крестильное имя оставалось главным для христианина во всей полифонии его реальных и потенциальных имен — календарных и языческих, мирских и монашеских.

Это многоголосое календарно-антропонимическое разнообразие (и без того непростое в изучении) для исследователя может осложняться избытком причудливых деталей, возникших на протяжении многовекового существования традиции празднования именин. Так, нетрудно заметить, что этот праздник издревле мог разрастаться, выходить за пределы одних суток, расширяться за счет кануна и попразднества, при этом границы такого расширения нам не вполне ясны. Более того, подобная приблизительность

сочетается и совмещается с календарной строгостью, когда два разных христианских имени одному и тому же лицу даются в честь двух святых, памяти которых в месяцеслове непосредственно соседствуют друг с другом. Не менее существенно, что с середины XVII в. у двуименных людей удельный вес антропонимов, полученных при крещении, порой растет столь стремительно, что эти крестильные имена, вопреки традиции, буквально на глазах теснят из официального обихода имена публичные, так что трудно разобраться, где одно, а где другое.

Главная же сложность и, на наш взгляд, основной исследовательский интерес обусловлены здесь как раз пресловутой укорененностью и общепринятостью как обычаев празднования именин, так и принципов имянаречения. Носитель средневековой традиции не видел особенной нужды эксплицитно описывать, а тем более объяснять, что-либо в практике, которая повсеместно и регулярно осуществлялась на его глазах и при этом была знакома всем его предкам, ближним и дальним. Сведения об именинах и имянаречении мы, как правило, вынуждены выуживать по крупицам из косвенных показаний самых разнообразных источников.

Для позднего русского Средневековья одним из таких источников следует неожиданным образом признать казенные книги Патриаршего приказа. Архив приказа содержит два основных вида книг: «приходные» и «расходные» [Шимко 1894: 83]. Эти материалы напоминают своеобразную тетрадь бухгалтерского учета, где под каждым днем того или иного года зафиксированы поступления в патриаршую казну или, напротив, трата средств из нее. В связи с нашей темой нас будут интересовать исключительно расходные книги, причем те из них, где речь идет «о домовых образах, окладах и прочих принадлежностях». Соответствующие тексты привлекали на удивление мало внимания ученых: до сих пор неизвестно, сколько в точности их сохранилось в рукописном виде, публиковались же из них лишь выдержки разной степени пространности¹. В этой работе мы используем материалы четырнадцати таких расходных книг, составлявшихся с 1667 по 1696 гг., пять из которых

---

¹ И. Е. Забелин [1884: 915–1200] выборочно издал отрывки из расходных книг разных лет, при этом его публикация представляет собой скорее близкий к тексту пересказ, не свободный от ошибок. А. И. Успенский [1917] использовал расходные книги при составлении своего «Словаря патриарших иконописцев», опубликовав значительные фрагменты одной из них (см. далее в нашей работе); П. В. Седов в своей монографии «Закат русского царства» обращался к некоторым из этих рукописей, обсуждая роль патриарха в России XVII в. [Седов 2006: 47–51]. При этом, повторимся, мы не располагаем даже полным перечнем патриарших расходных книг, так как в описях [РГАДА] они фигурируют под разными названиями, а предметом самостоятельного изучения и описания этот тип источника никогда не становился.

впервые становятся объектом исследовательского интереса². Эти более чем четвертьвековые свидетельства, охватывающие эпоху патриархов Иоасафа II, Питирима, Иоакима и Адриана, позволяют выделить как общие предпочтения в области имянаречения, так и некоторые специфические черты в праздновании именин.

Дарение икон являлось расходной статьей Патриаршего приказа и фиксировалось в расходных книгах. Соответственно, довольно часто в тексте упоминался и повод, благодаря которому то или иное лицо явилось на Патриарший двор за подобным благословением³. Замечательным образом одним из таких поводов оказывался так называемый именинный пирог, который люди разных статусов и сословий привозили в качестве своеобразного дара, праздничного подношения святителю. Сам по себе этот обычай достаточно интересен, но подробнее мы попытаемся обсудить его в следующей работе, а сейчас, как кажется, уместно задаться вопросом, что такого рода свидетельства дают нам в ономастической перспективе и в перспективе персонального культа святых на Руси.

1. «Пунктуальные» именинники и общая картина почитания личных небесных покровителей на Руси XVII в.

В отличие от множества других источников расходные книги не только говорят нам о том, кто и кому подносил именинное угощение, но предоставляют в наше распоряжение целый календарь, фиксирующий в какие именно даты с ним приезжали за патриаршим благословением обладатели тех или иных имен. Составителям расходных книг не было нужды эксплицировать, память какого святого праздновалась в день визита с пирогом. Так, под 27 декабря, например, сообщается о приходе с этим даром домового иконописца Стефана [РПК 1670/1671: л. 11об.], и, хотя дальнейших пояснений в источнике

²Расходно-приходные книги за 1667, 1670/1671, 1674/1675, 1687/1688, 1694/1695 гг. до сих пор не опубликованы [РПК 1667; РПК 1670/1671; РПК 1674/1675; РПК 1687/1688; РПК 1694/1695]. Некоторые записи из книг за 1668/1669, 1675/1676, 1678/1679, 1680/1681, 1683/1684, 1685/1686, 1691/1692, 1695/1696 гг. были набраны И. Е. Забелиным [1884: 972–973, 990–1005], однако, как уже отмечалось выше, эта публикация далеко не полная и носит столь выборочный характер, что в рамках данного исследования более продуктивной оказалась работа с подлинниками [РПК 1668/1669; РПК 1675/1676; РПК 1678/1679; РПК 1680/1681; РПК 1683/1684; РПК 1685/1686; РПК 1691/1692; РПК 1695/1696]. Расход иконам из книги 1690/1691 гг. был опубликован А. И. Успенским [1917].

³Нельзя не оговориться, впрочем, что в целом ряде случаев никаких дополнительных пояснений в тексте не обнаруживается, и о причинах визита к патриарху остается только догадываться: «Генваря 29 приходил ко святейшему патриарху ко благословению боярин князь Иван Петрович Пронской, и ево благословил образом богородичным, оклад с трубами, венцы резные» [РПК 1670/1671: л. 15об.].

не содержится, совершенно очевидно, что он приурочил свой визит к памяти первомученика Стефана, которая именно на 27 декабря и выпадает⁴. Иными словами, глядя на соотношение имен посетителей и дат посещений, легко убедиться, что визитеры чаще всего проявляли завидную точность и приходили к патриарху непосредственно в свой именинный день. Таких случаев в наших источниках насчитывается не одна сотня — вот, к примеру, лишь незначительная часть из тех, кто пришел ровно на свои именины в 7179 (1670/1671) г.:

- 8 ноября (на Собор архистратига Михаила) — Михаил Магнусов, сын боярский, подключник⁵ [РПК 1670/1671: л. 9];
- 1 января (на память Василия Великого) — певчий дьяк Василий Моисеев [Там же: л. 12];
- 15 января (на память Павла Фивейского) — певчий дьяк Павел Рязанец [Там же: л. 12об.];
- 25 января (на память Григория Богослова) — Григорий Верещагин и священник Успенского собора Григорий [Там же: л. 14об.];
- 27 января (на Перенесение мощей Иоанна Златоуста) — государев ключник Иван Васильев сын Тихонов и его тезка, сын боярский Иван Базыкин [Там же: л. 15]⁶;
- 31 января (на память Кира и Иоанна, врачей-бессребреников) — племянник патриарха Иоасафа Иван Карпов [Там же: л. 15об.];
- 10 февраля (на память Харалампия Магnezийского) — подъячий Харлам Ломакин [Там же: л. 18об.];
- 14 февраля (на память Михаила Черниговского) — князь Михаил Юрьевич Долгоруков⁷ и Михаил, ключник Успенского монастыря [Там же: л. 19об.];
- 24 февраля (на Обретение главы Иоанна Предтечи) — протопоп Иван Лазарев, подьяк Иван Федоров, а также Иван, священник Архангельского собора поп Иван [Там же: л. 20об.];
- 7 апреля (на память Георгия Исповедника) — князь Юрий Михайлович Одоевский [Там же: л. 26];
- 13 марта (на Перенесение мощей Никифора Константинопольского) — Микифор (Никифор) Михайлович Беклемишев, дьякон Никифор, подъячий Никифор Мартынов [Там же: л. 22об.–23];

⁴Здесь и далее в тексте статьи и в приложении все даты указываются по старому стилю.

⁵Он же приходил с именинным пирогом и 8 ноября 1674 г. — вместе с Михаилом Всеволодским [РПК 1674/1675: л. 17а].

⁶В этот же день и с той же целью Иван Базыкин появится у патриарха и 20 лет спустя (см. далее).

⁷Он же приходил с именинным пирогом и 14 февраля 1675 г., на Перенесение мощей князя Михаила Черниговского [РПК 1674/1675: л. 26об.].

- 30 апреля (на память апостола Иакова Зеведеева) — князь Яков Никитич Одоевский [РПК 1670/1671: л. 36];

- 8 мая (на память Иоанна Богослова) — дьякон Иван, подьяк Иван Петров, подьячий Иван Лукин, духовного приказа подьячий Иван Дудин [Там же: л. 37];

Укажем также несколько именинников из числа тех, кто «вовремя» приходил к патриарху с пирогом в 7183 (1674/1675) г.:

- 12 октября (на Перенесение десной руки Иоанна Предтечи) — князь Иван Петрович Пронской посылал своего крестьянина с пирогом [РПК 1674/1675: л. 17a];

- 12 февраля (на память Алексия, митрополита Московского) — князь Алексей Андреевич Голицын [Там же: л. 26];

- 14 февраля (на память равноапостольного Кирилла Философа) — Кирилл Полуектович Нарышкин [Там же: л. 26об.];

- 2 мая (на Перенесение мощей князей Бориса и Глеба) — Борис Петрович Шереметев [Там же: л. 39].

К 1690/1691 г. «пунктуальных» визитеров становится больше. Отметим здесь лишь несколько записей, относящихся к обширнейшему кругу лиц, которые привозили именинные пироги в этом году:

- 23 ноября (на память Александра Невского) — новокрещеный турчанин Александр Македонский [Успенский 1917: 144];

- 24 ноября (на память великомученицы Екатерины) — купец гостиной сотни Иван Борин от своей тещи, Екатерины, Софоновой дочери [Там же];

- 27 декабря (на память первомученика Стефана) — патриарший человек Стефан Наумов и священник государственной Ризоположенской церкви Стефан [Там же: 146];

- 1 января (на память Василия Великого) — десять человек по имени *Василий* [Там же: 146–147];

- 10 января (на память Павла Обнорского и Григория Нисского) — патриарший подьяк Павел Иванов и четыре человека по имени *Григорий* (подьячий, конюх, священник, часовник) [Там же: 147–148];

- 15 января (на память Павла Фивейского и Иоанна Кушника) — протопоп Иван из собора Василия Блаженного, дьякон Благовещенского собора Павел и патриарший ясельничий Павел Гиржда [Там же: 148];

- 27 января (на Перенесение мощей Иоанна Златоуста) — пять *Иванов*, в их числе — уже знакомый нам человек патриаршего дома Иван Базыкин и доктор, грек Иван Алексеев [Там же: 150];

- 30 января (на Собор трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) — четыре человека по имени *Василий*, один *Григорий* и один *Иван* [Успенский 1917: 151];
- 3 февраля (на память Симеона Богоприимца и пророчицы Анны) — шесть *Семенов* [Там же];
- 8 февраля (на память Феодора Стратилата) — пять человек по имени *Федор* [Там же: 152];
- 17 февраля (на память Феодора Тирона) — шесть человек по имени *Федор* [Там же: 153];
- 20 февраля (на память Льва Катанского) — дьяк Лев Протопопов и Лев, бывший священник кремлевского Успенского собора [Там же];
- 24 февраля (на Обретение главы Иоанна Предтечи) — четыре *Ивана*: протопоп и священник кремлевского Успенского собора, поп Иван из Никольской церкви за Каменным мостом и «своего дому подьякон» [Там же: 154];
- 1 марта (на память преподобномученицы Евдокии) — патриарху присылали именинный пирог от девицы Евдокии, Романовой дочери, племянницы уже знакомого нам Льва, бывшего священника кремлевского Успенского собора [Там же: 155].

Наблюдение за совокупностью всех ситуаций, когда именинники приходят к патриарху ровно в свой праздничный день, дает нам крайне интересные сведения относительно выбора имени и культа святых в XVII в.

Мы можем увидеть не только некоторую статистику популярности тех или иных крестильных имен, но и разглядеть, какие именно святые охотнее всего выбираются в качестве личных небесных патронов и какие из нескольких празднований тому или иному святому наиболее актуальны для имянаречения. В самом деле, различных святых с именем *Феодор*, например, в месяцесловах отыскивается более двадцати, святых Иоаннов — более сорока, дней же празднований им и того более, а для людей этой эпохи, как уже говорилось, обладание каким-либо антропонимом задавало благочестивую связь с вполне конкретным святым и вполне конкретной датой. Обследованные нами расходные книги напрямую предоставляют такое количество данных на сей счет, как, пожалуй, ни один источник другого типа.

Сейчас мы хотели бы продемонстрировать лишь примерный список тех праздников, по которым, судя по расходным книгам, подбирались крестильные имена в XVII в. (см. прил.); подробное же обсуждение этого перечня станет предметом самостоятельного исследования.

Разумеется, помимо формирования общей картины культа личных патрональных святых, свидетельства расходных книг позволяют работать

с индивидуальными случаями — они дают возможность установить, когда родились или в честь кого из многочисленных небесных тезок были крещены упомянутые здесь люди (в частности, столь заметные исторические фигуры, как книжник Федор Поликарпов, прославленный иконописец Симон Ушаков, дьяк Федор Грибоедов или две царевны — сестра Петра I Мария Алексеевна и его племянница Мария Ивановна, а также целый сонм их современников, принадлежащих к самым разным сословиям). В свою очередь, все эти сведения оказываются весьма бесполезны и для отечественной просопографии XVII — начала XVIII в., и для истории церкви.

Так, из представленных выше примеров интересна запись о посещении Михаила Юрьевича Долгорукого († 1682), помещенная под 14 февраля, в одно из празднований собственно русскому святому с этим именем — князю Михаилу Черниговскому. Род Долгоруковых, как известно, вел свою линию от черниговских князей, числа св. Михаила своим прямым предком и прародителем, так что знание именин князя Михаила Юрьевича позволяет разглядеть в его имянаречении не просто родовой характер, но стремление акцентировать особую древность и благочестие этого рода.

С образом святого князя Михаила Черниговского, возможно, связан и другой — довольно редкий — тип духовного тезоименитства, когда имя клирика соотносится с посвящением храма, где он служит. 20 сентября 1690 г. с именинным пирогом патриарха навестили два священника — поп Евстафий и поп Михаил [Успенский 1917: 137]. Оба явились в точности на свои именины, ибо в этот день празднуется память Евстафия Плакиды и князя Михаила Черниговского. Характерно, однако, что поп Михаил служил в Черниговском соборе, т. е. в храме, посвященном черниговским князьям-мученикам. Трудно счесть это простым совпадением, тем более мы знаем, например, что 26 марта 1691 г. (Собор архангела Гавриила) к патриарху приходит Гавриил, который был дьяконом не где-нибудь, а в Благовещенском храме [Там же: 157]. Были ли наши клирики потомственными служителями этих церквей и престольный праздник был учтен при самом их наречении или в эту предбарочную эпоху для служения в соответствующих храмах иной раз подбирались люди, чьи именины попросту совпадали с престольным праздником, мы не всегда можем узнать наверняка.

Точность в определении святых тезок необходима и в тех случаях, когда мы сталкиваемся с тезоименитством вполне земным. Отцу и сыну или двум братьям могло даваться одно и то же христианское имя, что демонстрировало особую связь и преемственность между ними. Однако в такой ситуации полного тождества в имянаречении чаще всего не было. Достигалось желаемое расподобление различными средствами:

обыкновенно у таких тезок были разные небесные покровители⁸ или вторые, не совпадающие христианские имена, а порой в ход шло и то и другое⁹. Нельзя не отметить, впрочем, что подобная дифференциация, хотя и была очень распространена в традиции, не стала облигаторной, так что каждый случай требует отдельного разбирательства¹⁰.

В этом отношении из перечисленных выше визитеров особый интерес представляет князь Алексей Андреевич Голицын, «наместник Болгарский» († 1694), приезжавший на Патриарший двор, со всей очевидностью, в свои именины, на память св. митрополита Алексия (12 февраля). На примере его семьи можно наблюдать замечательно сплетенный узел сложных антропонимических связей, охватывающих три поколения. Его отец был обладателем двух христианских имен в миру — публичного *Андрей* и крестильного *Алексей*¹¹. Замечательно при этом, что публичное имя *Андрей* он унаследовал от собственного отца, князя Андрея Ивановича Скурихи († 1607), а свое крестильное имя *Алексей* передал сыну, нашему «наместнику Болгарскому». Тот, судя по расходной книге, тоже был крещен *Алексеем*, но,

⁸В династии Романовых царь Алексей Михайлович, как известно, был крещен во имя Алексия человека Божьего (память 17 марта), тогда как его сын — царевич Алексей Алексеевич — во имя митрополита Алексия (память 12 февраля). Игнорирование этого обстоятельства ведет к разнообразным ошибкам в истории благочестия правящего дома. Так, М. М. Постникова-Лосева [1954: 194] писала о том, что хранящаяся в Оружейной палате мерная икона Алексия <человека Божьего> в чеканном окладе, написанная «в меру роста» младенца, связана с царевичем Алексеем Алексеевичем, в то время как на деле речь идет, по всей видимости, о мерной иконе самого Алексея Михайловича.

⁹Так, у царя Василия / Потапия Шуйского был младший брат, который в крещении звался *Василием*, а в обиходе — *Александром*. Сын Ивана / Тита Грозного, крещенного в честь Иоанна Предтечи, был наречен в честь Иоанна Лествичника. Из бояр братьев Морозовых один звался *Борисом* / *Ильей*, а другой — *Глебом* / *Борисом* [см.: Литвина, Успенский 2021].

¹⁰В династии Рюриковичей патрональные святые тезоименитых отца и сына, как правило, различались, а у тезоименитых братьев — совпадали. У царя Алексея Михайловича было две дочери по имени *Евдокия*, и не исключено, что обе были крещены в честь преподобномученицы Евдокии (память 1 марта). Здесь, впрочем, следует учесть, что младшая царевна Евдокия прожила всего два дня и крестить ее вынуждены были в чрезвычайных обстоятельствах, прямо перед кончиной. В расходной книге упоминается визит к патриарху двух Кириллов, отца и сына, — оба они являются с именными пирогами 18 марта, на память Кирилла Иерусалимского, а стало быть, наречены, по всей видимости, в честь одного и того же святого [Успенский 1917: 156]. Примечательной представляется и антропонимическая ситуация в одной из семей рода Пивовых, где *Дмитриями* были отец и два сына, причем оба последних поминались в один день — в канун празднования Димитрию Прилуцкому, тогда как их отец поминался на следующий день по праздновании Димитрию Солунскому [Титов 1881: 20, 88].

¹¹Это двойное именование известно, в частности, из надписи на иконе преподобного Иакова Железоборовского чудотворца из Предтеченской церкви Железоборовского монастыря (Буйский у., Костромская обл.): «Лѣта 7140 <1632> украшень сей чудотворный образъ многогрѣшнымъ княземъ Андреемъ, а прямое имя — Алексѣй Голицынъ» [А. С. 1909: 134].

скорее всего, в отличие от отца, был одноименным. При этом для потомков Гедимины — князей Голицыных — *Андрей* и *Алексей* едва ли не в равной степени были исконно родовыми именами.

Особое внимание обращает на себя случай, когда человек в записи расходной книги назван нехристианским публичным именем. Таково, например, свидетельство об именинном пироге *Богдана Хитрово*. Под 6 мая 1675 г. читаем:

От боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово приходил думной дворянин Александр Савастьянович Хитрово [РПК 1674/1675: л. 40].

Как и всякий православный на Руси, Богдан Матвеевич, разумеется, обладал крестильным именем, которое в нашем тексте, хотя он и посвящен столь благочестивому деянию, как поездка к патриарху за благословением, не возникло нужды приводить, но при этом не остается никаких сомнений, что он строго приурочил отправку пирога на Патриарший двор к своим именинам — в крещении, как известно, Богдан звался *Иовом*, а 6 мая церковь празднует память Иова Многострадального.

2. «Непунктуальные» именинники

Однако в расходных книгах представлены и другие — заметно более редкие — случаи, когда обладатель того или иного христианского имени является на Патриарший двор с именинным пирогом и получает благословение как будто не в свой день — в дату, под которой никакого праздника святому с таким именем не обнаруживается. Что за такими случаями стоит и что они могут сказать нам об имянаречении и праздновании именин?

Для начала попробуем разделить все подобные казусы на четыре неравные группы и рассмотреть их по порядку.

2.1. Кануны и «попразднества»

В первую группу (наиболее многочисленную) попадают эпизоды, когда человек посещает патриарха в ближайших календарных окрестностях праздника своему святому тезке по тому имени, которое явно обозначено в расходной книге. Особенно часто такая приблизительность связана с непосредственным кануном праздника. Приведем лишь отдельные примеры:

- 12 января 1671 г. к патриарху приходили с именинным пирогом тезки — подьяк Павел и певчий дьяк Павел Терентьев [РПК 1670/1671: л. 12], вероятно, имевшие в качестве небесного покровителя святого Павла из числа избяенных в Синае и Раифе, чья память празднуется 13 января;

- 17 января, в канун памяти Афанасия Великого (отмечаемого 18 января), приходил подьяк Афанасий [РПК 1670/1671: л. 13];
- 16 февраля являлись с пирогами дьяк Федор Перфильев и Феодор, «Феодосьевской» поп, тогда как 17 февраля отмечается день Феодора Тирона [Там же: л. 19об.];
- 2 апреля, накануне отмечаемого 3 апреля дня памяти Никиты, игумена Мидикийского, приходил казенного приказа подьячий Микита (Никита) Яковлев [Там же: л. 25об.];
- 1 августа патриарха посетил Степан Никитин сын Шейсупов (Юсупов), и было это накануне отмечаемого 2 августа дня памяти святого Стефана Первомученика [Там же: л. 46];
- в 1675 г. 28 мая Александр Севастьянович Хитрово пришел в канун памяти святого Александра, папы Александрийского (29 мая)¹² [РПК 1674/1675: л. 44об.];
- 11 августа князь Яков, сын Никиты Ивановича Одоевского, приносил пирог за своего отца накануне празднования памяти святого никомидийского мученика Аникиты [Там же: л. 55об.–56]¹³;
- в 1691 г. на двор к патриарху Адриану с именинным пирогом явился конюх Емельян Матвеев [Успенский 1917: 170] — произошло это 17 июля, а память мученика Емилиана Доростольского отмечается 18 июля.

Именинные пироги иногда приносились и после празднования небесному тезке, но не позднее, чем на третий день. Так, например, 29 декабря 1670 г. приходил с пирогом подьяк Стефан и 29 же декабря 1674 г. приходил Стефан Караваев [РПК 1674/1675: л. 18], при этом память первомученика Стефана отмечается 27 декабря [РПК 1670/1671: л. 11об.]. 23 февраля 1671 г. сын боярский Тимофей Всеволоцкий приносил пирог патриарху, и произошло это на два дня позже праздника Тимофею в Символех на горе Олимпе [Там же: л. 20об.].

Объяснение этой маленькой неточности может быть двояким. С одной стороны, долгая работа с традицией светской христианской двуименности заставляет заподозрить, что в крещении таких людей звали как-то иначе,

---

¹²Брат Александра Севастьяновича — Иван / Анфим Севастьянович Хитрово — обладал двумя христианскими именами в миру. Об этом свидетельствует надпись на надгробной плите из Свято-Троицкого Перемышльского Лютикова монастыря: «Лѣта 7205 <1697> Генваря въ 28 день на память преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина преставися рабъ Божій окольничей Иванъ большой Савостіановичъ Хитрово, зовомый Анфимъ, во иноцѣхъ монахъ Антоній, а отъ рожденія поживе 73 г.» [Хитрово 1867: 234–235].

¹³Об именинах и крестильном имени князя Н. И. Одоевского см. далее в нашей работе.

а их именины попросту выпадали на тот самый день, когда они явились с подношением. С другой стороны, возможен и иной сценарий: рискнем предположить, что многие из этих людей были крещены так же, как именовались в расходной книге, и обычаи, сложившиеся вокруг празднования именин, допускали, чтобы именинник являлся за патриаршим благословением с дарственным пирогом в их канун или вплоть до третьего дня по их празднованию.

Подтверждением допустимости такой практики может служить наблюдение за визитерами, приносившими именинные пироги от членов правящей семьи. Дни именин Романовых в XVII в. в целом хорошо известны, их празднование зафиксировано, например, в дворцовых разрядах, так что у нас есть возможность сопоставить показания этих двух источников. Более того, известно наверняка, что все Романовы из царской семьи носили одно-единственное христианское имя в миру, или, формулируя несколько иначе, общеизвестное публичное имя всегда совпадало у них с крестильным.

Посмотрим, как устроены их визиты с пирогом к патриарху. Именинным днем ц а р е в н ы Е к а т е р и н ы А л е к с е е в н ы являлось 24 ноября — день памяти Екатерины Александрийской, единственной святой с таким именем в месяцеслове. О том, что при дворе именины царевны праздновались в этот день, недвусмысленно сообщают дворцовые разряды:

Того жъ году, ноября въ 24 день, празновал великій государь ангелу государя царевны и великой княжны Екатерины Алексѣевны в походѣ въ селѣ Преображенском [ДР 3: 1112].

В тот же день праздновал ее именины и патриарх:

Того жъ году и числа празновали в Москвѣ государыни царевны ангелу Екатерины Алексѣевны, и служили в соборной и апостольской церкви святѣйший Иоаким [ДР 3: 1114].

При этом в 1671 г. царь сам приходит к патриарху с именинным пирогом своей дочери на следующий день после ее именин, 25 ноября [ДРВ 6: 324].

Как мы можем убедиться из сообщений о другой ц а р е в н е, И р и н е М и х а й л о в н е (наречена в честь великомученицы Ирины, память 5 мая), и самое празднование именин вполне могло распространяться на два дня — на день памяти святой и его канун, притом что пирог от государя в тот год был поставлен ровно в срок:

Того жъ числа <4 мая 1675 г.> были и празновали в соборной церкви ангелу государыни царевны и великой княжны Ирины Михайловны [ДР 3: 1368];

Того жъ числа <4 мая 1675 г.> посланы, по указу великого государя и святейшаго Иоакима, патриарха московского и всеа Росіи, празновать къ празднику къ Иринѣ Христовѣ мученицѣ къ вечернѣ... [ДР 3: 1369];

Того жъ году, мая въ 5 день празноваль великіи государь ангелу государыни царевны и великой княжны Ирины Михайловны. Того жъ числа служил у праздника у Ирины Христовы мученицы что въ углу святѣйшій Иоаким, патріархъ Московскій и всеа Росіи.... [ДР 3: 1369];

Мая в 5 день <...> Того же числа приходил от великого государя ко свейшему патриарху с ымянинным пирогом стольник Григорей Никифоров сын Собакин, и святейший патриарх благословил ево образом Пречистыя Богородицы Владимирской, оклад басемной с трубами венец врезной [РПК 1674/1675: л. 39об.].

В целом благодаря патриаршим расходным книгам мы можем убедиться, что члены семьи Романовых распоряжались присылкой именинного пирога по-разному, но все укладывались в определенный временной промежуток. Так, царица Наталья Кирилловна предпочитала направлять к патриарху служащих Государева двора (уже знакомого нам Александра Севастьяновича Хитрово, а также Ивана Борисовича Троекурова) с пирогом 27 августа — на следующий день после дня памяти Наталии Никоимидийской [РПК 1670/1671: л. 57об.; РПК 1674/1675: л. 58об.]¹⁴. Аналогичным образом Александр Севастьянович Хитрово приносил именинный пирог от будущего царя Ивана Алексеевича 30 августа 1671 г., на следующий день после праздника Усекновения головы Иоанна Предтечи [РПК 1670/1671: л. 48об.].

От царевны Анны Михайловны стольник Иван Демидович Голохвастов доставил пирог 25 июля 1675 г. — непосредственно в день памяти святой праведной Анны [РПК 1674/1675: л. 52об.–53]. Прямо на именины (12 января) со стольником Василием Михайловичем Глебовым пришлет пирог и ее сестра, царевна Татьяна Михайловна. Точно так же будут действовать и их племянницы: царевна Екатерина Алексеевна пошлет с пирогом к патриарху стольника Лодыженского 24 ноября 1690 г., Евдокия Алексеевна — 1 марта, на св. Евдокию, а пирог от Марии Алексеевны привезут 26 января, точно на свв. Марию и Ксенофонта

¹⁴О том, что празднование именин Натальи Кирилловны Нарышкиной при дворе могло совершаться 27, а не 26 августа (память Адриана и Натальи), сообщают не только дворцовые разряды [ДР 4: 406], но и дневник Патрика Гордона [2009: 173; 2014: 26, 84] (1688, 1690, 1691). При этом П. Гордон нисколько не сомневается, что именно 26 августа было днем именин царицы. За указание на эти материалы авторы признательны Е. В. Казбековой.

[см.: Успенский 1917: 144, 148, 150, 154–155]¹⁵. От совсем юной ц а р е в н ы М а р и и И в а н о в н ы в 1691 г. именинный пирог послан за целых три дня до поминовения ее патрональной святой, но эту ситуацию нам еще предстоит обсудить ниже.

Мы видим, что в семье правителя празднование именин могло охватывать не только самую дату памяти тезоименитого святого, но и окрестные дни, прежде всего канун. Иначе говоря, в хронологической перспективе во второй половине XVII в. все обстояло примерно так же, как во второй половине XI в., когда князья, согласно летописи, заранее съезжались на празднование именин киевского князя Святополка Изяславича и в преддверии большого торжества — накануне — мог устраиваться, например, общий завтрак, столь дорого обошедшийся злосчастному Василько Тербовльскому [ПСРЛ 1: 265].

Расходные книги Патриаршего двора позволяют убедиться, что у московских государей и их подданных границы празднования именин были устроены сходным образом, причем это касалось, по-видимому, и светской, и церковной составляющих. В канун тезоименитства уже могут совершаться службы небесному покровителю, и в этот же день зачастую готовы и именинные пироги, так что уместно в той или иной форме начинать пиршество. День тезоименитства как таковой, разумеется, является центральным (или единственным) воплощением торжества, но всяческие связанные с ним ритуалы — в частности, угощение и рассылка именинных пирогов — могут продолжаться еще два, а то и три дня, но едва ли дольше. Наглядным доказательством подобной растяжимости праздника могут служить такие казусы из расходных книг, когда в один год визитер приходит непосредственно в день празднования своему патрональному святому, а в другой — днем ранее или на день позже. Так поступает, к примеру, священник церкви Петра и Павла по имени Фома, в 1678 г. явившийся ровно 6 октября, на память апостола Фомы, а в 1674 г. приходивший 7 октября.

2.2. Именинный пирог и светская христианская двуименность

Так или иначе, выше мы имели возможность убедиться, что визитеры с именинными пирогами были достаточно пунктуальны и, как правило,

¹⁵ Исследователи нечасто обращают внимание на то обстоятельство, что Мария Алексеевна, старшая сестра Петра I, была крещена именно в честь Марии, супруги преподобного Ксенофонта, хотя ее именины надежно зафиксированы не только в патриарших расходных книгах, но и в дворцовых разрядах [ДР 3: 919]. Ее наречение напоминает наречение ее брата, Алексея Алексеевича, — у обоих с родителями совпадают имена, но не патрональные святые: мать царевны, Мария Ильинична Милославская, была наречена в честь Марии Египетской (память 1 апреля).

приезжали на Патриарший двор непосредственно в день празднования своему личному небесному покровителю, хотя приезд прямо накануне этой даты или на два дня позднее был вполне допустимым, не выбивался из общей традиции и потому не требует от нас дополнительных ономастических построений.

Тем удивительнее на фоне всех этих «ординарных» случаев выглядит следующая группа наших примеров — записи о визитерах, у которых дни памяти святых тезок по представленному в тексте имени и близко не совпадают с днем их визита. Нельзя ли допустить, что хотя бы в некоторых случаях речь здесь идет о людях с двумя светскими христианскими именами?

Весьма существенно, что в нашем распоряжении есть пример, позволяющий утверждать, что составители расходных книг, так сказать, знают и признают самый факт светской христианской двуименности и могут засвидетельствовать ее напрямую:

Генваря въ 1 день <1671 г.> святейший патриарх благословил диака Федора Казанцова, а в крещении имя ему Василии образом богородичным оклад басемной с трубами венець резной, а приходил с ымяниным пирогом [РПК 1674/1675: л. 18].

Как мы видим, автор этой записи счел нужным пояснить, почему человек, публично известный как *Федор*, пришел с именинным пирогом 1 января — в день, когда в календаре нет памяти ни одного из свв. Феодоров, но имеется, как известно его аудитории, память св. Василия Великого. Однако подобного рода объяснения для большинства источников некоммуеморативного типа — скорее редкость. Обычно составитель использует одно из имен двуименного без каких-либо помет и ремарок, и расходные книги не составляют здесь исключения. Иными словами, обладатели двух христианских имен в расходной книге присутствуют, но догадаться об этом, не заглядывая в другие источники, как правило, невозможно. Продемонстрируем для начала несколько ситуаций, когда речь идет о людях, чья двуименность уже надежно установлена, но напрямую в нашем источнике о ней не сообщается.

Так обстоит дело, к примеру, с записью о визите к патриарху в 1675 г. знаменитого царского *зографа* Ушакова († 1686), который в расходной книге поименован *Пименом*:

Августа в 27 день приходил ко святейшему патриарху с ымяниным пирогом иконописец великого государя Пимен Ушаков, и святейший патриарх благословил его образом штилистовым окладом басемным [РПК 1670/1671: л. 58].

Со всей очевидностью, Пимен Ушаков приходит к патриарху на следующий день после своих именин: 27 августа отмечается память преподобных

Пимена Великого, Пимена Палестинского и Пимена Печерского¹⁶. Сказать, в честь кого именно из этих свв. Пименов он был наречен, не представляется возможным, зато с довольно большой степенью вероятности можно утверждать, что дата рождения Ушакова либо приходится на 27 августа 1626 г. непосредственно, либо на день отстоит от этой даты [Кочетков 2009: 684]. При этом мы доподлинно знаем о двуименности царского изографа — *Пименом* он был в крещении, а в публичном пространстве звался *Симоном*¹⁷. Это второе его именование, фигурирующее во множестве источников, отражено в расходных книгах за другие годы, где есть записи о том, что Ушаков приходил с пирогом 27 августа 1684 г. и 28 августа 1676 г., но на этот раз составитель опускает крестильное *Пимен* и довольствуется публичным *Симон* [РПК 1683/1684: л. 132об.; РПК 1675/1676: л. 47об.].

Приведенный казус дает больше оснований полагать, что и у ряда других визитеров — менее известных, чем Симон / Пимен Ушаков, — в конкретной расходной книге могли быть указаны только крестильные имена, тогда как в других документах они фигурируют под иными, публичными христианскими именами, а соположение того и другого требует каких-то дополнительных исследовательских усилий. Так, за 1690/1691 г. с именинным пирогом к патриарху приходят пятеро Всеволоцких (Всеволожских), причем приуроченность их визитов точна и понятна — каждый является в день своего святого тезки по тому имени, которым назван в расходной книге. Все они охарактеризованы как люди «своего дома», и о том, что по крайней мере одна линия Всеволоцких (Всеволожских) состояла на службе у патриарха, известно и по другим источникам. В числе визитеров был некий *Амос Всеволоцкий*, пришедший на память пророка Амоса, 15 июня [Успенский 1917: 167]¹⁸, однако в довольно обширном списке всех обладателей этой фамилии (или протофамилии) в XVII–XVIII вв., где фигурирует более десятка антропонимов, имени *Амос* не обнаруживается. Весьма вероятно, таким образом, что перед нами очередной носитель двуименности, который был *Амосом* в крещении, а публично звался как-то иначе. При этом

¹⁶Пимен Печерский в ту пору почитался местно, рассказ о нем фигурирует в Киево-Печерском патерике. Официально его почитание было закреплено позже — в конце XVII и в XVIII в.

¹⁷Как уже упоминалось выше, обладателям двух христианских имен крестильное имя обычно давалось по дате рождения, а некоторые оговорки здесь стоит делать в связи с подвижностью границы суток, благодаря которой дата появления на свет могла на один день отличаться от дня поминования небесного тезки по крестильному имени.

¹⁸Амос был у патриарха с пирогами 15 июня 1681 и 1688 гг. [РПК 1680/1681: л. 95; РПК 1687/1688: л. 108–108об.].

отождествление нашего Амоса с кем-то конкретным из уже известных Всеволоцких — дело будущего¹⁹.

Однако сколь бы ни была увлекательна подобная работа с потенциальной, непроявленной двуименностью, сама по себе она еще не проясняет вопрос о том, как трактовать казусы «непунктуальных» именинников, когда имя человека, приведенное в расходной книге, решительно не соотносится с праздниками того дня, когда он посещает патриарха с именинным пирогом. Быть может, мы и здесь имеем дело с обладателями двух христианских имен, только свидетельства об их благочестивом подношении устроены зеркальным образом по отношению к записи о визите Симона / Пимена Ушакова или Амоса Всеволоцкого? Иными словами, не решил ли автор текста привести здесь публичное имя двуименного визитера?

Вообще говоря, для документов XVI–XVII вв. именно такая ситуация — когда вкладчик или даритель называется своим публичным именем, а его дар на деле отсылает к имени крестильному, в тексте не названному — отнюдь не редкость. Более того, мы знаем наверняка, что еще некоторые записи наших расходных книг по такому принципу и устроены.

Так, согласно сведениям нашего источника, *Лев Иванович Салтыков* пришел с именинным пирогом к патриарху 29 апреля 1675 г. Ни один из святых по имени *Лев* 29 апреля не почитается, нет памяти святого с таким именем в календаре ни 28 или 30 апреля, ни 1 или 2 мая. В чем же тогда причина этого визита? На ум приходит возможная ошибка писца или предположение о том, что Лев Салтыков приносил чей-то чужой именинный пирог, но писец забыл об этом упомянуть. Однако такое предположение полностью исключается свидетельствами прочих расходных книг, согласно которым никто иной, как Лев Салтыков, и в другие годы регулярно приходил 29 апреля со своим собственным именинным пирогом [РПК 1674/1675: л. 39; РПК 1680/1681: л. 86об.].

Из других источников очевидно, что стольник Лев Салтыков — человек более чем известный — на самом деле носил два христианских имени в миру:

¹⁹ Ни для одного из Всеволоцких в расходной книге не указывается отчество, а генеалогия этого рода (родов) весьма запутанна, что, разумеется, существенно осложняет поиск. Укажем на всякий случай имена и даты, под которыми в нашем источнике появляются в 1690/1691 г. все представители этого клана: Петр — 5 октября, на память митрополитов Алексия, Петра и Ионы [Успенский 1917: 139–140], Григорий — 17 ноября, на Григория Неокесарийского [Там же: 143], Иван — 30 января, на Собор трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста [Там же: 151], Амос — 15 июня, на пророка Амоса [Там же: 167], другой Петр — на Петра и Павла, 29 июня [Там же: 168]. Как мы помним (см. выше), в расходной книге за 1671 г. можно найти еще упоминание сына боярского Тимофея Всеволоцкого, который приносил пирог патриарху на два дня позже даты своих именин [РПК 1670/1671: л. 20об.].

он был не только *Львом*, но и *Мемноном*. Так, надпись на задней стороне золотой круглой панагии из ризницы Троицкого собора во Пскове гласит:

Сия панагия дана въ домъ Живоначальныя Троицы первому Маркеллу митрополиту Псковскому въ поминовение души стольника Лва Салтыкова прямое имя ему Мемнонь 1683 г. [Окулич-Казарин 1911: 98].

Судя по характеристике («прямое имя»), как раз *Мемнон* было его крестильным именем²⁰. В месяцеслове обнаруживаются: память Мемнона, мученика Филиппопольского, под 20 августа, а также память Мемнона Чудотворца — под 29 апреля. Иначе говоря, Лев Салтыков проявил максимальную точность и пришел на двор к патриарху ровно в день своих именин (29 апреля). Мы же, благодаря записи в расходной книге, узнаем наверняка, в честь кого из двух свв. Мемнонов он был крещен²¹, хотя *Мемноном* в этом источнике он не назван ни разу.

Аналогичным образом объясняется и визит печатника Деметрия Минича Башмакова († 1705), редкостного ветерана государственной службы, который, хоть и назван в расходной книге своим публичным именем, приходит с пирогом 5 августа 1667, 1679 и 1684 гг., точно на свои именины [РПК 1667: л. 198об.; РПК 1678/1679: л. 123об.; РПК 1683/1684: л. 130], ведь по другим источникам доподлинно известно, что крещен Башмаков был в честь св. Евсигния, чья память и отмечается в этот августовский день.

Совокупность антропонимических досье Ушакова, с одной стороны, и Салтыкова с Башмаковым, с другой, позволяет нам убедиться, что как бы

²⁰В синодике Псковского Троицкого собора Салтыков упомянут как *Мемнон* («Родъ Салтыковыхъ: Мемнона»), причем на полях имеется приписка: «дана панагия большая и яханты ценою во ста рублевъ по Лве Салтыкове, а прямое имя Мемнонь» [Окулич-Казарин 1910: 65]. Под своим «прямым» именем (и только под ним) Лев Салтыков показан во вкладной книге Антониева Сийского монастыря: «Того ж 191-го <1683> году он же патриаршъ казначій Пансѣй пожаловаль в домъ Пресвятыя Троицы и чудотворца Антонія в поминъ по души стольника Мемнона Ивановича Салтыкова и по его родителехъ 50 рублей денегъ...» [Исюмов 1917: 76].

²¹Любопытно, что, вопреки обыкновению, между двумя мирскими именами стольника Салтыкова не прослеживается явной календарной связи — как уже говорилось, в окрестностях 29 апреля не обнаруживается ни одной памяти святому с именем *Лев*. Объяснений этому может быть несколько. С одной стороны, связь такого рода хотя и весьма распространена, но отнюдь не обязательна — порой семейно-родовые причины побуждали давать ребенку публичное христианское имя вне какой-либо связи с календарем (с таким казусом мы уже сталкивались, говоря об именах иконописца Ушакова). С другой стороны, речь может идти о специфическом — так сказать, синтетическом — восприятии различных имен и форм одного и того же имени: на 24 апреля (т. е. за пять дней до именин Салтыкова) выпадает празднование мученика Леонтия Цареградского. Имя же *Леонтий* на русской почве нередко фигурирует как *Левонтий*, и имя *Лев* могло восприниматься как его производное [ср.: Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 168–173]. О подобного рода антропонимических смешениях и отождествлениях см. далее в нашей работе.

ни назывались двуименные именинники в расходной книге, привозя свой праздничный пирог, они действовали безошибочно и приурочивали посещение Патриаршего двора не просто к дню памяти одного из своих небесных тезок, но неизменно выбирали тезку по имени крестильному.

Знание подобного рода позволяет нам перейти к рассмотрению более сложных, хотя зачастую и не менее выразительных, казусов. Такова, например, антропонимическая история родного племянника патриарха Иоакима, явившегося с именинным пирогом к его преемнику — патриарху Адриану. Если в случае с Львом / Мемноном мы имеем дело с, так сказать, классическим функционированием светской христианской двуименности, когда публичное имя человека является в полной мере публичным и регулярно воспроизводится в государственных и деловых документах, а имя крестильное возникает лишь изредка, в специальных благочестивых контекстах, то в случае со *с т о л ь н и -* *к о м* А. П. Савеловым мы сталкиваемся с ситуацией, если так можно выразиться, модернизированной, характерной именно для финала XVII в., когда крестильное имя у некоторых двуименных людей неожиданно выходит на первый план и фигурирует чуть ли не в качестве основного, затмевая то, которое задумывалось как публичное. Запись о визите Савелова в расходной книге гласит следующее:

Ноября въ 19 де[нь] святейшій патриархъ благословилъ стольника Андрея Савелова образомъ Пресвятыя Богородицы Владимирския въ окладе; окладъ басемной, венець гладкої, басемної; приходилъ онъ сымяниннымъ пирогомъ; на икону окладъ деланъ во 198 <1690> году [Успенский 1917: 143].

Под 19 ноября мы не обнаружим в месяцеслове ни одной памяти, посвященной кому-либо из свв. Андреев. При этом титульный, если так можно выразиться, святой этого дня — пророк Авдий, хотя под этой датой мы находим, разумеется, и множество других имен. Андрей, сын Павла Петровича Савелова, упоминается в 1679 г. в дворцовых разрядах [ДР 4: 107], однако в целом ряде других документов, связанных с этой семьей, никакого *Андрея Павловича* нет вовсе, зато в них многократно фигурирует *Авдей Павлович*, жизненный путь которого может быть неплохо реконструирован. Свидетельство из расходной книги лишний раз дает нам понять, что перед нами одно и то же лицо — обладатель двух мирских христианских имен *Андрей* и *Авдий* (*Авдей*), который назван в этом документе некрестильным именем *Андрей* (как Богдан Хитрово и Лев Салтыков), а именинный пирог приносит на память своего небесного тезки по крестильному имени — пророка Авдия. Инновацию же в традиции светской христианской двуименности следует усматривать в своеобразном «перекосе» функциональной дистрибуции двух

его именовании: крестильное имя (*Авдий*) в общей массе дошедших до нас текстов выглядит, так сказать, публичнее публичного (*Андрей*). Как нам уже приходилось неоднократно отмечать, подобная практика доминирования крестильного имени у двуименных зародилась в эпоху Алексея Михайловича в ближнем круге царя и патриарха, причем близость эта вовсе необязательно напрямую определялась знатностью, а новое распределение ролей между двумя антропонимами еще долго не было чем-то последовательным и регулярным [Литвина, Успенский 2022а: 77–87]. Казус патриаршего племянника Андрея / Авдия Савелова как нельзя лучше репрезентирует такую картину.

Чем больше отыскивается случаев, когда именинный пирог на патриарший двор привозят люди, чья двуименность уже установлена, тем сильнее укрепляются наши подозрения в светской христианской двуименности и относительно других — «сверхнепунктуальных» — визитеров. Однако реконструкции подобного рода требуют предельной осторожности и скорее задают направление дальнейших поисков, чем предоставляют окончательные решения.

Напомним, что даже в ситуации «малой непунктуальности» в нашем утверждении о том, что проявивший ее человек обладал только одним христианским именем, зачастую остается некоторая доля гипотетичности. В самом деле, если некто по имени *Емельян* единожды приходит с именинным пирогом на следующий же день после празднования св. Емелиану Доростольскому, мы не можем быть совершенно уверены, что он непременно был *Емелианом* в крещении и попросту пришел чуть позже своих именин. Не исключена возможность, что он явился непосредственно на свои именины и в крещении звался, скажем, *Дием* — во имя того святого, чья память празднуется на другой день после Емелиана Доростольского: случаи, когда празднования двум небесным тезкам одного и того же лица непосредственно примыкают друг к другу, в традиции мирской двуименности надежно зафиксированы.

В интересующих же нас сейчас казусах, когда расхождения между датой приношения пирога и днем памяти святого тезки по указанному в записи имени более значительны, мы сталкиваемся с затруднением иного рода. В самом деле, мы, как правило, не сомневаемся, что такой визитер — если только он не принес чей-то чужой пирог — обладал двумя христианскими именами и был крещен не так, как назван в расходной книге. Однако узнать, как именно его звали в крещении, отнюдь не просто — в месяцесловах, доступных столичным жителям в XVII в., на всякий день приходилась порой целая россыпь имен святых, каждое из которых потенциально могло стать крестильным.

Укажем несколько случаев, на наш взгляд, чуть более определенных, чем прочие. К таковым мы причисляем казусы, когда человек является с пирогом к патриарху «не в тот» день вместе несколькими другими лицами, для

которых эта дата точно соответствует их именинам. Так случилось, например, с дьяконом Антипой и сторожем Григорием Федоровым, которые в 1691 г. пришли с именинными пирогами к патриарху Адриану одновременно с двумя *Иосифами*:

Апрѣля въ 4 де[нь] святѣйшій патриархъ благословилъ Ивановскаго Дѣвча монастыря попа Иосифа образомъ Савы Сторожевскаго, да церкви Живоначальныя Троицы дьякона Антипу образомъ Соловецкихъ чудотворцовъ, да своего дому Осипа Боровитинова образомъ Пресвятыя Богородицы Одигитрия, да ношнаго сторожа Григорья Федорова образомъ мученика Никиты; приходили они сымянными пирогами [Успенский 1917: 158–159].

Ни памяти св. Антипы, ни памяти св. Григория 4 апреля не празднуется, зато в этот день отмечается память Иосифа Песнописца, так что поп Иосиф и Осип (Иосиф) Боровитинов пришли к святителю в точности на свои именины.

При кажущемся сходстве ситуация с двумя другими посетителями — Григорием и Антипой — на деле устроена, скорее всего, по-разному, причем о дьяконе Антипе нам еще предстоит говорить ниже. Что же касается сторожа Григория Федорова, то нельзя ли допустить, что он был обладателем двух христианских имен и в крещении звался *Иосифом*? Такое не кажется невероятным, тем более что 20 апреля совершается празднование св. Григорию, епископу Антиохийскому. При этом первая часть нашего предположения (о двуименности Григория) выглядит достаточно надежно, тогда как вторая (о конкретном крестильном имени) куда более гипотетична, ведь на 4 апреля, кроме Иосифа Песнописца, выпадают еще, к примеру, памяти Зосимы Палестинского и Георгия Малееина, и, соответственно, Григорий мог быть крещен во имя любого из святых этого дня. Чуть более весомой кандидатура св. Иосифа может быть сочтена только потому, что писец, уже упомянув двоих Иосифов, мог несколько свободнее — безо всяких пояснений — размещать под этой датой упоминания других именинников с тем же крестильным именем.

По сходной модели можно интерпретировать и другой визит разноименных гостей, пришедших вовремя и «не вовремя». 1 ноября 1691 г. на патриарший двор приходят с пирогами два *Кузьмы* (дьяк и дьякон Спасского государева собора) и три *Михаила* (Михаил Буженинов, подьячий Казенного приказа Михаил Даев и Михаил, священник церкви Успения Богородицы в Кожевниках) [Там же: 142]. Приуроченность визита обладателей имени *Кузьма* совершенно очевидна — как раз на 1 ноября приходится празднование святым целителям Косме и Дамиану, так что оба они были именинниками. Имени же *Михаил* под этой датой в месяцесловах не обретаются. Можно допустить, что три *Михаила* в крещении были *Кузьмами* или *Демьянами*, тем более что

на 8 ноября (восьмой день по празднестве Косме и Дамиану!) приходится большой праздник — Собор архистратига Михаила, по которому наши Михаилы с большой вероятностью получили свое публичное имя. При всем том полной уверенности относительно их крестильного имени, как и в предыдущем случае, быть не может. Правда, в этой ситуации наши допущения выглядят несколько более основательно: Косма и Дамиан — одни из самых почитаемых святых, чья память в месяцесловах указывается непременно, а все прочие святые этого дня гораздо более раритетны.

Аналогичным образом устроена, возможно, и антропонимическая картина в случае с думным дворянином *Федором Андреевичем Зыковым*. С пирогом на Патриарший двор он является 11 января 1691 г. в компании с двумя священниками — обладателями имени *Феодосий* [Успенский 1917: 148]. Основания для визита этих Феодосиев более чем очевидны: именно 11 января отмечается память св. Феодосия Великого. Следует предположить, что Федор Зыков также был именинником в этот день, и не исключено, что и он, подобно двум своим спутникам, был крещен во имя св. Феодосия. Сходство антропонимов *Феодор* и *Феодосий* исследователя ни в коей мере не должно смущать и подталкивать к предположению об ошибке писца. Крестильное (молитвенное, прямое) и публичное имя одного и того же человека хотя отнюдь не требовали, но вполне допускали созвучие — достаточно вспомнить здесь сына Бориса Годунова, царевича Федора / Феодота [Литвина, Успенский 2022б: 85–97], или черносозного крестьянина из д. Федцово Федора / Федоса Никитина сына Сотникова. В то же время подчеркнем еще раз гипотетичность этого построения: Федор Андреевич Зыков мог быть в крещении, например, *Михаилом* (по Михаилу Клопскому) или *Марком*, так как 11 января совершается празднование и этим святым, хотя в имянаречении они, по-видимому, менее популярны.

До сих пор, как можно было заметить, мы говорили о таких случаях, когда человек, подозреваемый в светской христианской двуименности, приходит к святителю вместе с несколькими людьми, относительно которых нет никаких сомнений, что они явились с пирогом ровно в день своих собственных именин. Упомянем здесь и ряд эпизодов, когда у нашего подозреваемого зафиксирован лишь один попутчик, который заведомо тогда же и празднует именины. Так, в 1675 г. подъячий *Иван Светиков* приходил с именинным пирогом вместе с боярским сыном Амосом 15 июня, на память пророка Амоса [РПК 1674/1675: л. 47об.], а котельник *Дмитрий Коноплев* был с пирогом на патриаршем дворе вместе с попом Ефремом 28 января [Успенский 1917: 151], на память трех свв. Ефремов — Ефрема Сирина, Ефрема Переяславского и Ефрема Новоторжского. В подобных случаях можно допустить, кажется, что

Дмитрий Коноплев, подобно своему спутнику, был крещен *Ефремом*, а Иван Светиков — *Амосом*, однако данная гипотеза представляется несколько более слабой, чем в тех случаях, когда таких попутчиков-именинников, явившихся вместе с объектами наших подозрений, было больше. Иначе говоря, весьма вероятно, что у Светикова и Коноплева были и другие — крестильные — имена, но о том, как именно они были крещены, мы можем говорить с еще меньшей уверенностью, чем в случае, скажем, с Михаилом Даевым или Михаилом Бужениновым (см. выше).

Решительно неопределенны в этом отношении те случаи, когда человек появляется с именинным пирогом «не в свой день» в одиночестве, как это происходит, например, с конюхом Яковом Андреевым 11 августа 1691 г. [Успенский 1917: 174], певчим дьяком Артемием Павловым, нанесшим такой же визит патриарху 21 числа того же месяца [Там же: 175], или князем Григорием Урусовым, принесшим свой именинный пирог 14 декабря [Там же: 146]. 11 августа в календаре нет свв. Иаковок, под 21 августа не обнаруживается ни св. Артемия, ни Артемов, ни Артемонов, а 14 декабря не празднуется память святых с именем *Григорий*. Однако под каждой из этих дат мы находим целый перечень иных имен — некоторые из них более популярны или частотны, но ни одно не исключено полностью из антропонимикона XVII в.

Таким образом, мы можем с довольно большой долей уверенности говорить о христианской двуименности этих последних визитеров, однако в качестве их крестильных имен вынуждены ограничиться лишь некоторым списком «кандидатов». Тем не менее даже эти неопределенные данные, на наш взгляд, отнюдь не бесполезны. В дальнейших разысканиях упоминание такого не проявившегося антропонима из уже очерченного круга может всплыть в другом источнике, что позволит, к примеру, отождествить, слить воедино тех, кто прежде казался двумя разными историческими лицами, или существенно расширить просопографические представления о том или ином человеке раннего Нового времени.

К числу загадок, нуждающихся в дополнительном исследовании, принадлежит, например, антропонимический эпизод из поздней истории князей Урусовых, неожиданно явленный в расходной книге. Под 25 января 1691 г. содержится запись, согласно которой в этот день патриарх благословил пришедших к нему с именинными пирогами думного дворянина Григория Караулова и двух стольников — Григория Зиновьева и «Андрея князь Петрова сына Урусова» [Там же: 149]. Почему принесли пироги два Григория, совершенно очевидно — в этот день празднуется память св. Григория Богослова, однако ни одной памяти св. Андрея нет ни в этот день, ни поблизости.

Действуя по предложенной нами схеме, можно предположить, что князь Андрей Петрович Урусов был двуименным, носил публичное имя *Андрей*, а в крещении, подобно двум своим спутникам, получил имя *Григорий*. Материалы по генеалогии рода Урусовых как будто бы только подкрепляют такую картину: у князя Петра Семеновича действительно обнаруживается сын, именуемый *Григорием*.

Однако простота эта обманчива. Как мы уже упоминали, здесь же, в расходной книге, находится свидетельство, согласно которому некий Григорий «князь Петров сын Урусов» был с именинным пирогом у патриарха 14 декабря 1690 г. [Успенский 1917: 146], т. е. совсем незадолго до того времени, как сюда с таким же подношением явился Андрей «князь Петров сын Урусов». Может ли здесь идти речь об одном и том же человеке, который в первой из приведенных записей назван своим публичным именем *Андрей*, а в последней — крестильным *Григорий*? Строго говоря, такой вариант нельзя исключить полностью, однако, на беду, ни под 14 декабря, ни в календарных окрестностях этой даты мы не видим каких-либо памятей святых с именем *Григорий*, а соответственно, у княжича, которого крестили бы *Григорием*, именин в ту пору нет.

Быть может, у князя Петра Семеновича Урусова было двое сыновей и оба двуименные — один носил публичное имя *Андрей* и крестильное *Григорий*, тогда как другой в публичной жизни был *Григорием*, а крещен был как-то иначе, в честь одного из святых, чья память отмечается 14 декабря или когда-то совсем рядом? Случаи семейно-антропонимической рокировки подобного типа хорошо известны, о некоторых из них мы уже вскользь упоминали (два брата Шуйские — Василий / Потапий и Александр / Василий, два брата Морозовы — Борис / Илья и Глеб / Борис [Литвина, Успенский 2021: 88–92]). Существенно при этом, что сын князя Петра Урусова по имени *Григорий* генеалогическим текстам известен, а никакого Андрея в числе его детей в них не обнаруживается вовсе [см.: Нарбут 1994: 48, табл.; Беляков 2023: 108–109, табл. 112; ср.: Иванов 1853: 427]²², что вновь возвращает нас к гипотезе о тождестве тех, кто в разрядной книге названы *Григорием* и *Андреем*. Вполне вероятно, впрочем, что совпадение одного из двух имен сыграло с Урусовыми злую шутку и два разных человека «слиплись» в одного под пером генеалогов, тем более что у этого брата / братьев потомства мужского пола не отыскивается и досконально проследить за точностью этих указаний у следующих поколений могло попросту не возникнуть нужды. Так или иначе,

²²От первого брака у князя Петра был еще сын Василий. Можно было бы допустить, что в записи под 14 декабря упомянут именно его именинный пирог, однако в окрестностях этой даты в календаре нет не только свв. Григориев, но и свв. Василиев, поэтому праздновать именины в эти дни он не мог.

вся эта ситуация не представляется нам безнадежной — дальнейшие поиски вполне могут поставить здесь окончательную точку.

2.3. Пост и именинный пирог

Тем не менее самая гипотеза о христианской двуименности визитеров, явившихся с пирогом заметно раньше или заметно позже дня празднования своему тезке по представленному в расходной книге имени, все же нуждается в перепроверке — даже в «дистантных» казусах она изредка может оказаться избыточной по крайней мере по двум причинам. Начнем с той из них, которая связана с подвижным циклом церковного календаря.

Именины, как и день рождения (с которым они, как мы помним, могут совпадать и не совпадать), — дата, разумеется, строго определенная, составляющая своего рода фиксированную веху для каждого года, прожитого человеком, а зачастую и всякого года после его кончины. При этом празднование именин, а стало быть, и визит с именинным пирогом, можно было, как выясняется, и несколько подвинуть, да так, что сдвиг этот порой не укладывался в установленные выше рамки кануна и поспразднества. Происходило это, судя по всему, нечасто, и связывалось подобное смещение с совершенно определенными обстоятельствами — с особыми днями Великого поста.

Замечательное известие о таком переносе именинных торжеств царевны Евдокии Алексеевны (старшей), имевшем место в 1655 г., содержится в рассказе Павла Алеппского. Однако Павел, судя по всему, не знает, что такое именины на Руси, и, как множество чужеземцев до и после него [см. подробнее: Литвина, Успенский 2022б: 32–35], смешивает их с днем появления на свет:

Во вторник сырной недели, который был 20 февраля, царь прислал за нашим владыкой-патриархом сани с приглашением служить у него в одной в одной из дворцовых церквей, именно в верхней, во имя Рождества Богородицы и св. Екатерины, по случаю дня рождения его старшей дочери, по имени Евдокии, которая родилась 1 марта, когда бывает память св. Евдокии, но как этот день приходится на первой неделе великого поста, то царь совершил его празднование сегодня, по принятому у них ежегодно обыкновению [Муркос 1898: 151–152]²³.

Разумеется, в наших построениях невозможно было бы положиться на одно это — поневоле запутанное — указание Павла Алеппского, однако сообщение о переносе именин этой царевны — и тоже в связи с постом — фиксируется три с половиной десятилетия спустя и в дневнике Патрика Гордона

²³ На самом деле царевна родилась 17 февраля 1650 г., а на 1 марта выпадали ее именины, приходившиеся в том году на первую неделю Великого поста.

[2014: 73] (1691). Правда, и это свидетельство не свободно от некоторой путаницы: автору трудно разобраться, идет ли речь о царевне (*Princess*) Евдокии Алексеевне или о царице (*Empress*) Евдокии Федоровне, супруге Петра²⁴.

Зато совершенно недвусмысленные упоминания переноса именин Евдокии Алексеевны неоднократно обнаруживаются и в дворцовых разрядах, и в наших расходных книгах. В разрядах мы порой даже находим некоторое эксплицитное описание интересующего нас сдвига:

Февраля в 26 день, в неделю сыропустную, было празднество преподобной мученице Евдокеи, ангелу благородные Государыни Царевны и Великие Княжны Евдокеи Алексеевны, для того, что то празднество, Марта 1 числа, прилучилось на первой неделе Великого Поста в среду [ДР 4: 766–767]²⁵.

В расходной же книге за 1687/1688 г. отмечено, что от Евдокии Алексеевны 26 февраля, т. е. за несколько дней до именин 1 марта, патриарху был прислан даже не пирог, а целый «именинный стол».

Аналогичная модель переноса именин, периодически выпадающих на Великий пост, ясно прослеживается и для маленькой дочери царя Ивана Алексеевича, царевны Марии:

Марта въ 30 день, в недѣлю четвертую великаго поста, было празднество преподобные матере Маріи, ангелу благовѣрные Государыни Царевны и Великіе Княжны Маріи Іоанновны, а память той преподобные Маріи Апрѣля въ 1 числѣ [ДР 4: 544].

Как и в случае с Евдокией Алексеевной, составитель текста разрядов и участники события прекрасно знают, когда на самом деле именины царевны, однако празднование их во вторник пятой седмицы поста представляется, видимо, неблагочестивым — оно переносится на предшествующее воскресенье (30 марта). На следующий год, согласно расходной книге, именинный пирог от царевны присылают патриарху еще раньше — 29 марта, которое тоже приходилось на воскресенье [Успенский 1917: 158], тогда как самая память Марии Египетской (1 апреля) выпадала в 1691 г. на среду Страстной недели.

²⁴В действительности царица Евдокия Федоровна Лопухина была наречена в честь другой мученицы с этим именем, св. Евдокии Персидской, и регулярно праздновала свои именины 4 августа.

²⁵В приведенной цитате описываются события 1693 г., 26 февраля приходилось в этом году на воскресенье. Ср. также 1692 г., когда празднование именин Евдокии Алексеевны перенесли с 1 марта на 6 марта (воскресенье) [ДР 4: 651–652], и 1694 г., когда празднование перенесли на 4 марта (четверг) [Там же: 873–874].

Иначе говоря, для государева двора пост как таковой еще не отменяет именин, но требует их избирательного смещения. Весьма любопытно, что в свое время было нарочито отодвинуто и празднование самого появления Марии Ивановны на свет — родилась она 21 марта 1689 г., тоже в пост, а «радостный стол» в Грановитой палате царская семья устраивает лишь 17 мая [ДР 4: 438].

В Великий пост при царском дворе могли переноситься с буднего дня на воскресенье и празднования особенно почитаемым святым, которые не совпадали с именинами кого-либо из живущих представителей царской семьи²⁶. Панихида, приуроченная к именинам усопших, также, как выясняется, могла сдвигаться, но в таком случае ее приурочивали скорее к пятнице. Цари Иван и Петр приходят на панихиду по своему отцу, Алексею Михайловичу, 21 марта 1690 г., «в пятокъ третіе недѣли великаго поста», причем в источнике подчеркнуто, что «было быть той панихидѣ прежь того Марта 17 числа, въ день святаго и праведнаго Алексѣя челоуѣка Божія» [ДР 4: 542]²⁷. В том же году со вторника на пятницу (28 марта) переносилась и панихида по царице Марии Ильиничне [ДР 4: 543–544], которая была наречена, как и ее внучка Мария Ивановна, в честь Марии Египетской (память 1 апреля).

Существенно, однако, что сдвиг именинных празднований в царской семье мог быть устроен по-разному. Судя по дворцовым разрядам, в 1668 г. наследник, царевич Алексей Алексеевич, непосредственно в свои именины — 12 февраля, на память митрополита Алексия — раздавал именинные пироги патриархам (Александрийскому, Антиохийскому и Московскому) и высшему духовенству и посылал к ним на двор различные угощения, хотя в этом году его именины приходились на среду второй недели Великого поста; при этом особо отмечается, что в этот день «стола у Великаго Государя не было» [ДР 3: 714–715]. В 1671 г. его отец, царь Алексей Михайлович, ровно на свои именины, 17 марта (память Алексия человека Божьего), которые выпадали на пятницу второй великопостной недели, сам отвозит пироги патриарху Иоасафу [ДРВ 6: 313], а в 1675 г. в эту дату (среда пятой недели Великого поста) угощает его именинными пирогами у себя [Писарев 1904: 156]. Когда же тезоименитство Алексея Михайловича приходилось на Страстную неделю, как это произошло в 1668 г., никаких торжеств в разрядах не отмечено вовсе — их празднование было перенесено на первую неделю по Пасхе:

²⁶ «Того жъ числа <7 февраля> было празднество великому святителю и чудотворцу Алексѣю, митрополиту Московскому и всеа Русіи, для того, что то празднество памяти его прилучилось послѣ того Февраля 12 числа, на первой недѣли Великаго Поста, въ пятокъ» [ДР 4: 644].

²⁷ В данном случае этот сдвиг мог бы объясняться исключительными обстоятельствами: 17 марта 1690 г. скончался патриарх Иоаким [ДР 4: 539]. Однако, судя по датам панихиды по Марии Милославской, первой жене царя Алексея Михайловича, эта причина была не единственной.

Марта въ 24 день, на свѣтлой недѣлѣ во вторникъ, празноваль Государь своему государеву ангелу, преподобному Алексѣю челоѡѡку Божію, для того что прилучился праздникъ преподобнаго Алексѣя челоѡѡка Божія во вторникъ страстныхъ недѣли [ДР 3: 732].

В 1691 г. именины его внука, годовалого царевича и наследника Алексея Петровича, также крещенного во имя Алексия человека Божьего, пришлось на вторник Средокрестной недели, и именинные пироги, судя по показаниям расходной книги Патриаршего двора, были доставлены день в день, 17 марта [Успенский 1917: 156]; годом позже, в четверг шестой недели Великого поста, царь Петр раздавал на тезоименитство сына кубки «фряжскихъ питей» боярам, окольниковым и думным [ДР 4: 654–655], но ни о какой иной форме светского празднества в этот день дворцовые разряды не упоминают.

Совокупность данных подобного рода позволяет предположить, что во дворце справлять именины на Страстной неделе нельзя было вовсе — празднество следовало перенести. В прочих же случаях, если они выпадали на Великий пост, именины царя и царевичей отмечались в срок подчеркнуто скромно, хотя и с именинными пирогами, а именины царевен могли сдвигаться с будних постных дней назад, на ближайшее воскресенье, или еще далее, если оно приходилось на Масленицу.

Распространялись ли подобные манипуляции с празднованием за пределы государевой семьи? В том, что касалось Страстной недели, мы, по-видимому, имеем дело с нарастанием строгости запрета на протяжении второй половины XVII в. Визиты с пирогом на Патриарший двор в этот предпасхальный период всегда очень редки — это своего рода единичные казусы, а при патриархе Адриане они становятся абсолютно невозможными. В 1691 г., в первый же год его на stolovania, на Страстной ни одного посетителя-именинника у него не будет. Здесь весьма выразителен случай с дьяконом церкви Живоначальной Троицы Антипой, о котором мы уже упоминали выше. Его именины приходятся на 11 апреля, память св. Антипы Пергамского, на что нам недвусмысленно указывает один из его визитов к патриарху именно в этот день в 1688 г. [РПК 1687/1688: л. 96об.]. Однако если в 1688 г. он считает возможным принести именинный пирог патриарху Иоакиму непосредственно 11 апреля, несмотря на то что это была среда Страстной недели, в 1691 г., когда Иоакима Савелова уже сменил Адриан, дьякон не осмелится идти к нему на Страстной и придет с праздничным подношением 4 апреля, за неделю до тезоименитства [Успенский 1917: 158–159], перенеся, таким образом, назад празднование собственных именин, подобно тому как это делалось в государевой семье.

Иных ограничений на визиты к патриарху с именинным пирогом в Великий пост не просматривается. Так, 17 марта 1691 г., во вторник Средокрестной

недели, патриарха, помимо посланца от великих государей, навестило еще шесть *Алексеев*, среди которых были и священник, и светский человек, принадлежавший Патриаршему дому, и дьяк, и подковщик, а, скажем, 18 марта (в среду), на память Кирилла Иерусалимского, пирог принесут три *Кирилла*. Для визитеров-мужчин воскресенье постной недели, похоже, ничем не выделяется на фоне будней — так, в 1691 г., когда оно приходилось на память Василия Анкирского (22 марта), пирог патриарху принесли четыре *Василия*, в числе прочих и поп Василий из кремлевского Успенского собора. Праздновались ли именины в пост скромнее, чем в иное время, и переносились ли празднования женских именин у кого-либо, кроме царевен, мы на сегодняшний день сказать не можем — во всяком случае, расходные книги Патриаршего двора таких данных не сообщают²⁸.

Нуждается в дальнейших разысканиях и вопрос о том, как было устроено празднование именин, если они приходились на большие посты, неподвижно закрепленные в календаре, Рождественский или Успенский. Предварительное впечатление складывается таким образом, что здесь каких-либо тотальных запретов и переносов не имелось. Во всяком случае, из дворцовых разрядов известно, что некое празднование именин царевны *Екатерины Алексеевны* в 1674 г. состоялось непосредственно в день ее ангела (24 ноября) [ДР 3: 1112], который приходился на вторник Рождественского поста, да и прочие визитеры с пирогами не прерывают череду своих посещений Патриаршего двора во дни Рождественского и Успенского постов, являясь непосредственно на свои именины. Постное воскресенье ничем особо не отличается здесь от буднего дня, в том числе от среды или пятницы. Так, в воскресенье 30 ноября 1690 г., на память апостола Андрея, к патриарху придут пять *Андреев*, причем среди них будут два священника и один конюх, а 5 декабря (в пятницу) — на Савву Освященного — здесь же окажется четыре *Саввы*, в четверг же 13 августа 1691 г. с именинными пирогами придут сразу три *Максима*, поскольку в этот день Успенского поста поминается св. Максим Исповедник. Своего рода «особую зону» здесь можно усматривать лишь в последних днях перед Рождественским постом: в течение двух-трех дней до Рождества к патриарху с именинным пирогом обыкновенно никто не приходит. Существенно, однако, что на эти дни не выпадает память кого-либо из святых, популярных в имянаречении XVII в. (ср. прил.).

²⁸ В Великий пост в 1691 г. пироги патриарху принесли от двух женщин — царевны Евдокии Алексеевны и девицы Евдокии Романовой дочери, племянницы попа Льва [Успенский 1917: 154–155], но в этот раз празднование их небесной тезке, преподобномученице Евдокии Илиопольской (1 марта), само собою выпадало на воскресенье.

2.4. Именинные пироги и формы имен

Существует и еще одна — небольшая — группа визитеров, которые как будто бы являются к патриарху совсем не в свой день, и при этом причины их кажущейся непунктуальности носят собственно ономастический, а отчасти даже и лингвистический, характер. Речь идет об обладателях тех близких по звучанию имен, которые, согласно месяцеслову, принадлежат р а з н ы м святым, но в обиходе легко отождествляются и — при необходимости — столь же легко расподобляются. Таковы, например, антропонимы *Васса* и *Василиса*; *Артемий*, *Артемон* и *Артема*; *Иеремия* и *Ермий* или *Ерм*; *Никита* и *Аникита*; *Кир*, *Кирилл*, *Кирик* и *Кириах*; *Василий* и *Василиск*; *Домна*, *Домника* и *Домнина*; *Агапит* и *Агапий*; *Андрей*, *А(н)дриан* и *Андроник*; *Лев* и *Леонтий* (*Левонтий*); и т. п. Наблюдения за их бытованием сразу же вовлекают нас в еще более широкую проблематику, связанную, с одной стороны, с антропонимическим варьированием, а с другой — с восприятием христианского имени и культом соименных святых. В каких ситуациях, к примеру, имя *Авдотья* воспринималось как «искаженный», упрощенный вариант имени *Евдокия*, а когда — как вполне правильный, а то и единственно возможный? Могло ли имя *Аникита* считаться просто одной из форм имени *Никита* и наоборот? Некоторые свидетельства расходной книги Патриаршего приказа вносят весьма ценную лепту в рассмотрение подобных ономастических сюжетов.

Так, говоря о визитах к патриарху в канун именин, мы позволили себе упомянуть казус Я к о в а Н и к и т и ч а О д о е в с к о г о, который приносит пирог за своего отца непосредственно перед празднованием мученикам Фотию и Аниките (12 августа):

Августа в 11 день приходил ко святейшему патриарху с ымяниным пирогом от боярина князя Никиты Ивановича Одоивского сын ево сын <sic!> и боярин князь Яков Никитич, и святейший патриарх благословил иво богородичным образом, оклад басемной с трубами, венец резной [РПК 1674/1675: л. 55об.–56].

Одоевский-старший в официальных документах регулярно именуется *Никитой* или *Микитой*, а применительно к его сыновьям столь же регулярно употребляется отчество *Никитич*. Оправданно ли в таком случае говорить о какой-то связи этого визита к патриарху с празднованием свв. Фотию и Аниките? К счастью, имя *Аникита* для старшего Одоевского также зафиксировано в документах, причем иногда в одном и том же тексте он сам может фигурировать как *Аникита*, а его дети — как *Никитичи*. Особенно выразительны в этом отношении его собственное завещание и завещание его супруги:

...азъ рабъ Божій многгрѣшный князь Ианикитъ Одоевской пишу сію духовную во своемъ цѣломъ смыслу <...> Сію духовную я князь Аникитъ Одоевской руку приложилъ. Къ сей духовной бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевской руку приложилъ [Шереметев 1911: 379, 391]²⁹.

С другой стороны, в некоторых грамотах и письмах Одоевский-старший вполне может и сам называть себя *Никитой*, а не *Аникитой*. Так или иначе, сомнений в том, что крещен он был в честь Аникиты, сомученика Фотия, а не во имя кого-либо из довольно многочисленных свв. Никит, у нас нет. Об этом совершенно однозначно свидетельствует тот факт, что в своем поместье он построил церковь Николая Чудотворца с приделом мучеников Аникиты и Фотия. До сегодняшнего дня в притворе сохранилась белокаменная доска с указанием года построения храма (1664–1665) и упоминанием имени ктитора — «боярина князя Ианикиту Ивановича Одоевского» [Седов 2022: 192–195]. Иначе говоря, предположение о том, что Яков Одоевский принес отцовский пирог в канун именин своего родителя, кажется вполне убедительным.

Благодаря этому совершенно прозрачному эпизоду можно с куда большей уверенностью говорить и о других ситуациях с данными антропонимами. Так, священник церкви Ильи Пророка на Воронцовском поле в Москве, названный в тексте расходной книги *Никитой* и явившийся с именинным пирогом 12 августа, на память свв. Фотия и Аникиты, по всей видимости, был, подобно Одоевскому-старшему, крещен в честь Аникиты Никомидийского и, соответственно, приходил к патриарху ровно на свои именины [Успенский 1917: 174].

В целом же данные расходной книги скорее свидетельствуют в пользу того, что о светской христианской двуименности в случае с князем Одоевским и священником церкви Ильи Пророка говорить едва ли уместно: хотя разница между именами *Никита* и *Аникита* вполне осознается их окружением, формы *Никита*, *Микита* (и производное *Никитич* в случае отчества) воспринимаются как приемлемые обиходные варианты для обоих антропонимов.

Не менее интересна и ситуация, когда под 31 января 1691 г. в расходной книге появляется следующая запись:

...святѣйшій патриархъ благословилъ дѣяка Кириллу Алексѣева образомъ Пресвѣтыя Богородицы Владимирския, на краскѣ, да Кирила Чаплыгина образомъ такимъ же <...> да собору Василия Блаженного попа Івана образомъ Знаменія

²⁹ Жена князя Одоевского, Евдокия Федоровна (урожд. Шереметева), в духовном завещании последовательно называет своего мужа *Ианикитой* (т. е. *Аникитой*), а сына — *Ияковом Никитичем* [Барсуков 7: 341–342, 343, 349–351].

Пресвятая Богородицы <...> приходили они сымянинными пирогами [Успенский 1917: 151].

Ни в этот день, ни в его близких окрестностях мы не найдем в календаре празднования кому-либо из свв. Кириллов. Между тем есть причина подозревать, что все три посетителя — два *Кирилла* и один *Иван* — проявили пунктуальность, явившись с именинными пирогами именно в этот день. Весьма существенно, что один из них, Кирилл Чаплыгин, приходил на Патриарший двор в тот же самый день несколько лет подряд и еще в один год — на следующий день, т. е. 1 февраля [РПК 1680/1681: л. 76об; РПК 1685/1686: л. 85; РПК 1691/1692: л. 93об; РПК 1674/1675: л. 24]. Таким образом, мы можем не сомневаться, что именно на эту дату выпадали его именины.

В честь кого же он был наречен и был ли двуименным? Все дело, надо полагать, в том, что 31 января церковь празднует память целителей чудотворцев Кира и Иоанна, соответственно, Кирилл Чаплыгин (а возможно, и Кирилл Алексеев) именно по св. Киру и был назван, подобно тому как явившийся с ними поп Иван из Знаменской церкви был крещен во имя врача-безмездника Иоанна³⁰. К сожалению, у нас не слишком много данных о том, как называли Чаплыгина и Алексева в иных ситуациях. В родословных росписях Чаплыгин называется *Кириллом* — и только *Кириллом* [Шабаев 2018: 203, № 24], он нигде не фигурирует как *Кир*. Не означает ли это, что *Кир* и *Кирилл* порой трактовались как одно и то же имя? Так или иначе, говорить о том, как соотносились в восприятии окружения двух этих персонажей антропонимические единицы *Кир* и *Кирилл*, гораздо труднее, чем в случае с именами *Никита* и *Аникита*. Не приходится сомневаться лишь в том, что крещеных в честь чудотворца Кира в обиходе вполне охотно называли *Кириллами*, и, соответственно, рассуждать о светской христианской двуименности здесь тоже, по-видимому, не стоит.

Еще одна любопытная антропонимическая ситуация зафиксирована в двух расходных книгах. В одной из них (1688) под 22 мая сообщается о визите

³⁰Небезынтересно, что родной сын Кирилла Чаплыгина был наречен *Иваном*, и, возможно, его патрональным святым был все тот же врач-безмездник св. Иоанн, пострадавший со св. Киром, так как именно 31 января 1688 г. он приходит с именинным пирогом к патриарху [РПК 1687/1688: л. 83–83об.]. Нельзя, впрочем, исключить и такой возможности, что он принес пирог за своего отца, а составитель расходной книги, вопреки обыкновению, не отметил этого в своей записи. Отметим также, что, согласно родословной росписи 1686–1688 гг., единственный родной брат Кирилла Петрова сына Чаплыгина также звался *Иваном* [Шабаев 2018: 202–203]: ономастическая стратегия, когда братья получают имена в честь парных святых (в данном случае свв. Кира и Иоанна), не была редкостью, так что в принципе возможна ситуация, что и его именины приходились на 31 января. Однако на данный момент никаких дополнительных сведений, подтверждающих эту гипотезу, у нас нет.

с именинным пирогом подъячего Василия Иванова [РПК 1687/1688: л. 104]. Согласно же книге 1691 г., он приходит буквально на следующий день после этой даты:

Маия въ 23 де[нь] святѣйшій патриархъ благословилъ своего дому погребные службы подъячего Василья Иванова образомъ Пресвятыя Богородицы Владимирския <...> приходилъ онъ сымяниннымъ пирогомъ [Успенский 1917: 165].

Ни под одной вплотную примыкающих друг к другу датой, ни в их ближайших календарных окрестностях мы не найдем празднований кому-либо из свв. Василиев. Зато 22 мая отмечается память св. Василиска, племянника Феодора Тирона. По всей видимости, подъячий Иванов был крещен в его честь, а в обиходе именовался *Василем*. Оправданно ли говорить здесь о светской христианской двуименности или следует исходить из того, что одно из этих имен воспринималась как допустимая форма другого? Быть может, при рассмотрении конкретных антропонимических казусов с *Василиями* и *Василисками* ответ на этот вопрос будет звучать по-разному, однако представленный здесь случай имеет ценность благодаря несомненно высокой компетенции писцов Патриаршего двора во всем, что касается имен и календарных дат, посвященных различным святым.

* * *

Итак, расходные книги Патриаршего приказа предоставляют в наше распоряжение чрезвычайно интересный календарно-ономастический материал — благодаря им, в частности, мы можем не только расширить круг подозреваемых в двуименности и пополнить антропонимические досье тех, кто в двуименности уже был уличен прежде, но и предложить некий алгоритм работы с упоминанием именинных празднований и именинных даров или набор параметров, которые следует принять во внимание, занимаясь реконструкцией принципов имянаречения на основании такого рода данных.

Из тех наблюдений, которые мы попытались изложить выше, очевидно, во-первых, что празднование именин и в самом деле твердо приурочено к дате памяти святого тезки по крестильному имени. Даже если человек обладал двумя христианскими именами, то тезка по другому — публичному — имени в традиции именинных подношений патриарху в расчет не принимался. Такой весьма традиционалистский подход к именинам при патриаршем дворе небезынтересен для истории благочестия в конце XVII в., поскольку веком ранее правящий дом и знать охотно прибегали к новому обычаю, когда двуименный состоятельный человек все охотнее праздновал дни памяти обоих своих небесных тезок.

Не менее важно, во-вторых, что самой этой приуроченности присущ свой ритм и границы. Подобно тому как празднование церковное может начинаться в день, непосредственно предшествующий дате поминовения небесного покровителя, в канун может начинаться и праздник светский — пироги к этому дню уже бывают готовы, и их можно раздавать дома или везти к патриарху. До третьего дня, т. е. в течение двух дней после поминовения святого тезки, празднование еще уместно (по-видимому, именно оно в текстах Нового времени будет фигурировать с определением «черствые именины»), как уместен в это время и приезд с пирогом на Патриарший двор. При этом размытость границ праздника весьма ограничена: канун не простирался далее одного дня, предшествующего именинам, а поспразднество — далее, чем на два-три дня после. Случаи же, когда патриарх или родня именинника получали пирог лишь на четвертый или пятый день, весьма редки, и объясняются они исключительно тем, что сам именинник находился вне Москвы и на доставку подношения уходило некоторое время.

Заметная оторванность празднования именин от памяти святого тезки могла провоцироваться, по-видимому, лишь одной ситуацией — когда такая память приходилась на Страстную неделю. В прочие дни Великого поста праздник мог совершаться «в свой день» или сдвигаться на несколько дней назад (часто на ближайшее воскресенье), если речь шла об именинах женщин. В любом случае, носители традиции отдавали себе отчет в том, что именины как таковые неизменно соотнесены с определенной календарной датой — перемещению подлежит лишь их празднование.

Любопытно при этом, что, коль скоро человеку не посчастливилось и он из года в год оказывался именинником в пост, потому что дата памяти его патрональному святому выпадала на те периоды, которые в календаре неподвижно закреплены за Рождественским или, скажем, Успенским постом, празднование именин, как кажется, никуда не сдвигалось и не переносилось, так что при всяческих ономастических выкладках здесь нет нужды прибегать к каким-то особым оговоркам и допущениям.

Относительно массовая, охватывающая весь календарный цикл фиксация визитов с именинными пирогами существенно расширяет и наши представления о мере популярности тех или иных святых в процедуре имянаречения XVII в. Здесь можно видеть, с одной стороны, вполне предсказуемую выделенность свв. Иона Предтечи, Иоанна Богослова, Василия Великого, а с другой стороны — достаточно тонкую нюансировку, дифференциацию небесных тезок. Так, на середину ноября приходится празднование сразу двум свв. Григориям — Григорию Неокесарийскому и Григорию Декаполиту, и оба они, как выясняется, вполне популярны в имянаречении, ни один небесный тезка,

в сущности, не вытесняет другого. Знаменательно, что никто из визитеров патриарха, кроме единственного иностранца, не был наречен по Николаю Угоднику — этот формальный запрет не утратил еще своей актуальности. В целом расходные книги предоставляют достаточно данных для своеобразной микростатистики, хотя при ее извлечении необходимы предельная осторожность и учет разнообразных дополнительных факторов.

Ономастический ландшафт нашего источника украшается и одновременно усложняется из-за того, что мы имеем дело не только со статикой, но и с динамикой: расходные книги в совокупности с другими текстами позволяют проследить, как во второй половине XVII в. начинает стираться самое противопоставление публичного и крестильного именования, а соответственно, размывается, постепенно уходит и вся древняя традиция христианской полиномии.

Кроме того, на документы Патриаршего приказа следует обратить особое внимание, говоря о такой сложной, охватывающей не одно столетие проблеме, как варьирование христианских имен на Руси. На наш взгляд, если где-то и имеет смысл искать своеобразный эталон «грамотного» местного извода календарных антропонимов для XVII в., то именно в этих текстах, порождаемых в самом сердце церковной бюрократии, руками людей, хорошо знакомых и с месящесловной, и с канцелярской традицией. По крайней мере антропонимические формы, вариации имен и всяческие их сближения и отождествления, дозволенные для этого текста, можно считать дозволенными и легитимными для всего Московского царства.

Отметим напоследок, что к сугубо ономастическим сюжетам информативный потенциал расходных книг Патриаршего приказа отнюдь не сводится — сопоставляя их с другими источниками XVII в., можно попытаться ответить на ряд весьма важных вопросов, связанных как с именинными пирогами, так и с восприятием традиции именин в целом. Что являли собой именинные пироги с материальной точки зрения, не подразумеваются ли под ними караваи — сдобные хлеба, выпекаемые из разных видов муки? Почему после свадьбы патриарху принято было привозить «овощи» (фрукты), а с именин — пирог? Каким образом пирог — подношение, вообще говоря, совершенно универсальное — становится главным символом и воплощением именинных торжеств? Как в этой практике устроено соотношение мужского и женского, ведь женщины хотя никогда и не являются на Патриарший двор сами, но спорадически отправляют к святителю пироги со своего праздника с кем-нибудь из родственников или свойственников, причем девицы и вдовы делают это заметно чаще, чем замужние женщины? Что стоит, наконец, за видимой демократичностью списка патриарших визитеров, где есть и истопники, и бояре,

и купцы, и царские родичи, не говоря уже о духовных лицах и подьячих? Как устроено соотношение семейного и служебно-иерархического начал в этом праздновании? Все эти и многие другие вопросы должны стать предметом самостоятельного исследования в самое ближайшее время.

Источники

- Гордон П. Дневник (1684–1689) / пер. с англ., ст., примеч. Д. Г. Федосова. М. : Наука, 2009.
- Гордон П. Дневник (1690–1695) / пер. с англ., ст., примеч. Д. Г. Федосова. М. : Наука, 2014.
- ДР — Дворцовые разряды : в 5 т. СПб. : Собст. Е. И. В. канц., 1850–1855.
- Муркос 1898 — Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке (Извлечение) / пер. с ар. проф. Г. А. Муркоса. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1898.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей : в 43 т. / ред. Я. И. Бередников, Н. Г. Устрялов, А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Пг. ; Л. : СПб. ; М. : Тип. Эдуарда Праца : Тип. Мин-ва внутр. дел : Наука, 1841–2004.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РПК 1667 — Расходно-приходная книга за 1667 г. // РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 43.
- РПК 1668/1669 — Расходно-приходная книга за 1668/1669 г. // РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 20.
- РПК 1670/1671 — Расходно-приходная книга за 1670/1671 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 70.
- РПК 1674/1675 — Расходно-приходная книга за 1674/1675 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 85.
- РПК 1675/1676 — Расходно-приходная книга за 1675/1676 г. // РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28.
- РПК 1678/1679 — Расходно-приходная книга за 1678/1679 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 93.
- РПК 1680/1681 — Расходно-приходная книга за 1680/1681 г. // РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 42.
- РПК 1683/1684 — Расходно-приходная книга за 1683/1684 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 112.
- РПК 1685/1686 — Расходно-приходная книга за 1685/1686 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 119.
- РПК 1687/1688 — Расходно-приходная книга за 1687/1688 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 128.
- РПК 1691/1692 — Расходно-приходная книга за 1691/1692 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 144.
- РПК 1694/1695 — Расходно-приходная книга за 1694/1695 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 155.
- РПК 1695/1696 — Расходно-приходная книга за 1695/1696 г. // РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 157.
- Успенский А. И. Словарь патриарших иконописцев. М. : [б. и.], 1917.
- Шабаев 2018 — Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в., дворянские фамилии Рязани / публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах. 2018. Вып. 3. С. 119–242.

Исследования

- А. С. 1909 — *С[пицын] А.* Из архива императорской Археологической Комиссии: III. Костромская губерния // Известия Императорской Археологической комиссии. 1909. Вып. 31. С. 67–296.
- Барсуков А. П. Род Шереметевых : в 8 кн. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881–1904.
- Беляков А. В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М. : Старая Басманная, 2023.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н. Новиковым : в 20 ч. 2-е изд., вновь испр. М. : Комп. тип., 1788–1791.
- Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М. : Моск. гор. дума, 1884.

- Иванов П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М. : Тип. С. Селивановского, 1853.
- Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576–1694 (7084–7203) гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1917. Кн. 2. С. 1–102.
- Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М. : Индрик, 2009.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // Русская речь. 2021. № 6. С. 77–97. <https://doi.org/10.31857/S013161170017981-8>
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени // Die Welt der Slaven. 2022a. Jhrg. 67, H. 1. S. 68–90. <https://doi.org/10.13173/WS.67.1.068>
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб. : Евразия, 2022б.
- Нарбут А. Н. Князья Урусовы. М. : [б. и.], 1994.
- Окулич-Казарин Н. Ф. Старинные синодики. Синодик Псковского Троицкого собора // Труды Псковского археологического общества, 1909–1910. 1910. Вып. 6. С. 49–79.
- Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков : Археол. о-во, 1911.
- Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1904.
- Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты // Государственная Оружейная палата московского Кремля : сб. науч. тр. / ред. М. М. Постникова-Лосева. М. : [б. и.], 1954. С. 139–216.
- Седов Вл. В. Надпись о строительстве церкви в усадьбе Николо-Урюпино // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения : материалы науч. конф. к 70-летию отдела средневековой археологии / отв. ред. В. Ю. Коваль. М. : Ин-т археологии РАН, 2022. С. 191–200.
- Седов П. В. Закат Московского царства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.
- Титов А. [А.]. Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль : Тип. Губ. земской управы, 1881.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
- Хитрово Ф. Н. Приложение к родословной книге рода Хитрово. СПб. : Тип. В. Н. Майкова, 1867.
- Шереметев С. Д. Духовное завещание боярина князя Н. И. Одоевского // Известия Русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 379–391.
- Шимко И. И. Патриарший казенный приказ, его внешняя история, устройство и деятельность. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894.

References

- Barsukov, A. P. (1881–1904). *Rod Sheremetevykh* [The Sheremetev Family] (Vols. 1–8). St Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha.
- Belyakov, A. V. (2023). *Nogaiskaia znat' v Rossii XVI–XVII vekov* [The Nogai Nobility in 16th–17th-Century Russia]. Moscow: Staraiia Basmannaia.
- Ivanov, P. (1853). *Alfavitnyi ukazatel' familii i lits, upominaemykh v boiarskikh knigakh...* [Alphabetical Index of Surnames and Persons Mentioned in the Boyar Books...]. Moscow: Tipografia S. Selivanovskogo.

- Iziumov, A. F. (1917). Vkladnye knigi Antonieva Siiskogo monastyria. 1576–1694 (7084–7203) gg. [Offering Books of the Siya Monastery of St Antonius. 1576–1694]. *Chtenia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 2, 1–102.
- Khitrovo, F. N. (1867). *Prilozhenie k rodoslovnoi knige roda Khitrovo* [Supplement to the Genealogical Book of the Khitrovo Family]. St Petersburg: Tipografia V. N. Maikova.
- Kochetkov, I. A. (2009). *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov* [Dictionary of Russian Icon Painters of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2021). Antroponimicheskoe voploshchenie semeinogo edinstva v srednevekovoi Rusi [Anthroponymical Embodiment of Family Unity in Medieval Rus']. *Russian Speech = Russkaya Rech'*, 6, 77–97. <https://doi.org/10.31857/S013161170017981-8>
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2022a). Braki tsarei Ivana i Petra Alekseevichei i russkaia mnogoimennost' na poroge Novogo vremeni [The Marriages of Tsars Ivan V and Peter the Great in the Context of Russian Multinominality at the Dawn of the Modern Era]. *Die Welt der Slaven*, 67(1), 68–90. <https://doi.org/10.13173/WS.67.1.068>
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2022b). *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)* [Godunov among his Kin: Biographical Investigations]. St Petersburg: Eurasia.
- Narbut, A. N. (1994). *Kniaz'ia Urusovy* [The Princes Urusov]. Moscow: [s.n.].
- Novikov, N. (Ed.). (1788–1791). *Drevniaia rossiiskaia vivliofka, soderzhashchaia v sebe sobranie drevnostei rossiiskikh, do istorii, geografii i genealogii rossiiskii kasaiushchikhsia* [Ancient Russian Bibliophylax Containing a Collection of Russian Antiquities Relating to History, Geography, and Genealogy] (2nd ed., vols. 1–20). Moscow: Komp. tip.
- Okulich-Kazarin, N. F. (1910). Starinnye sinodiki. Sinodik Pskovskogo Troitskogo sobora. *Trudy Pskovskogo arkheologicheskogo obshchestva, 1909–1910* [Proceedings of the Pskov Archaeological Society, 1909–1910], 6, 49–79.
- Okulich-Kazarin, N. F. (1911). *Sputnik po drevnemu Pskovu* [Guide to Ancient Pskov]. Pskov: Arkheologicheskoe obshchestvo.
- Pisarev, N. (1904). *Domashnii byt russkikh patriarkhov* [Domestic Life of the Russian Patriarchs]. Kazan: Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta.
- Postnikova-Loseva, M. M. (1954). Zoloty i serebrianye izdeliia masterov Oruzheinoi palaty [Golden and Silver Products by the Craftsmen of the Kremlin Armoury]. In M. M. Postnikova-Loseva (Ed.), *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata moskovskogo Kremliia: sbornik nauchnykh trudov* [The State Armoury of the Moscow Kremlin: Collected Scholarly Works] (pp. 139–216). Moscow: [s. n.].
- Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo tsarstva* [The Decline of the Muscovite Tsardom]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Sedov, V. I. (2022). Nadpis' o stroitel'stve tserkvi v usad'be Nikolo-Uriupino [An Inscription about the Construction of the Church in Nikolo-Uryupino Homestead]. In V. Yu. Koval' (Ed.), *Mir Srednevekov'ia. Problemy veshchevedeniia: materialy nauchnoi konferentsii k 70-letiiu otdela srednevekovoi arkheologii* [The World of the Middle Ages. Problems of Artefact Studies: Proceedings of the Scholarly Conference for the 70th Anniversary of the Department of Medieval Archaeology] (pp. 191–200). Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Sheremetev, S. D. (1911). Dukhovnoe zaveshchanie boiarina kniazia N. I. Odоеvskogo [Last Will and Testament of Prince N. I. Odoyevsky]. *Izvestiia Russkogo genealogicheskogo obshchestva*, 4, 379–391.
- Shimko, I. I. (1894). *Patriarskii kazennyi prikaz, ego vneshniaia istoriia, ustroistvo i deiatel'nost'* [The Patriarchal Treasury Office: Its External History, Structure, and Activities]. Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i K^o.

- Spitsyn, A. (1909). Iz arkhiva Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii: III. Kostromskaia guberniya [From the Archive of the Emperor's Archaeological Commission: 3. Kostroma Region]. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 31, 67–296.
- Titov, A. [A.]. (1881). *Vkladnye i kormovye knigi Rostovskogo Borisoglebskogo monastyria v XV, XVI, XVII i XVIII stoletiiakh* [Donation and Provision Books of the Rostov Borisoglebsky Monastery in the 15th–18th Centuries]. Yaroslavl: Tipografia Gubernskoi zemskoi upravly.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Rus']. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Zabelin, I. E. (1884). *Materialy dlia istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy* [Materials for the History, Archaeology and Statistics of the City of Moscow] (Vol. 1). Moscow: Moskovskaia gorodskaia дума.

Приложение

Перечень празднований, к которым именинники приурочивали визит к патриархам

Предлагаемый ниже список является календарно ориентированным: он сосредоточен не на популярности конкретных мужских имен, и, строго говоря, даже не на популярности конкретных святых в практике имянаречения, но на популярности в этом процессе определенных дат празднований, посвященных тем или иным святым. Соответственно, вполне может оказаться, что наречение именем *Григорий*, скажем, в честь св. Григория Неокесарийского весьма распространено, а наречение этим же именем в честь св. Григория Двоеслова заметно более раритетно. В честь св. Бориса куда чаще нарекают по празднованию, совершаемому 24 июля, нежели по еще одной его памяти, приходящейся на 2 мая, в то время как при наречении в честь Иоанна Крестителя практически равнопопулярными оказываются четыре празднования, совершаемые в течение года.

Приведенные здесь данные основываются лишь на статистике, извлекаемой из четырнадцати расходных книг Патриаршего двора, да и она поневоле остается довольно приблизительной и требует множества оговорок, здесь не вполне уместных. Еще большего числа оговорок и комментариев потребовал бы вопрос о том, насколько репрезентативно отражается в этом типе источников общерусская популярность того или иного праздника. Так, достаточно отметить, что большинство визитеров патриарха составляют жители Москвы, а не всей Руси в целом; хотя спектр их занятий, упоминаемых в тексте, достаточно разнообразен, распределение посетителей патриарха по социальным стратам, разумеется, нельзя считать статистически корректным срезом русского общества того времени — так, мы вполне ожидаемым образом наблюдаем здесь непропорционально много представителей белого духовенства и людей, частных к жизни Патриаршего дома.

Мы постарались зафиксировать все празднования, которые отмечены в обследованных нами на данный момент расходных книгах в связи с именинами. Разделение праздников по степеням популярности носит условный характер — на наш взгляд, самое попадание праздника в этот список куда более показательным, оно

недвусмысленно свидетельствует о том, что он активно задействовался при выборе крестильного имени в соответствующую эпоху. Первая степень популярности означает, что именины связывали с соответствующим днем не менее семи визитеров с именинными пирогами, вторая степень — что таковых лиц было не менее пяти, третья — не менее двух, тогда как в четвертой собраны по преимуществу единичные случаи приуроченности именин к памятям конкретных святых.

Картина эта может в целом меняться и уточняться в процессе дальнейшей работы над расходными книгами, не говоря уже о сопоставлении их данных с показаниями других источников, однако нам представляется небесполезным зафиксировать ее сегодняшнее состояние.

1. Празднования святым, сверхпопулярные в имянаречении

Александр, патриарх Цареградский, 30.08	Иоанн Златоуст, 13.11
Алексий, митроп., 12.02	Иоанн Златоуст, Перенесение мощей, 27.01
Алексий человек Божий, 17.03	Иоанн Златоуст, Собор трех святителей, 30.01
Андрей, ап., 30.11	Иоанн Кушник, 15.01
Андрей Критский, 04.07	Иоанн Милостивый, 12.11
Андрей Стратилат, 19.08	Косма Бессребреник, 01.11
Афанасий Великий, 18.01	Лев, еп. Катанский, 20.02
Борис, кн., мч., 24.07	Матфей, ап., 09.08
Василий Анкирский, 22.03	Михаил, архангел, Чудо в Хонех, 06.09
Василий Исповедник, 28.02	Михаил, архангел, Собор, 08.11
Василий Кесарийский, 01.01	Михаил Малеин, 12.07
Василий Кесарийский, Собор трех святителей, 30.01	Никита Готфский, 15.09
Василий Парийский, 12.04	Никита Исповедник, еп. Халкидонский, 28.05
Гавриил, архангел, Собор, 26.03	Никифор, патриарх Цареградский, Перенесение мощей, 13.03
Гавриил, архангел, Собор, 13.07	Павел Фивейский, 15.01
Григорий Богослов, 25.01	Петр, ап., 29.06
Григорий Декаполит, 20.11	Петр, ап., Положение вериг, 16.01
Григорий Неокесарийский, 17.11	Петр, митроп., 21.12
Григорий Нисский, 10.01	Роман Творец кондаков, 01.10
Даниил Столпник, 11.12	Савва Освященный, 05.12
Димитрий Прилуцкий, 11.02	Симеон Богоприимец, 03.02
Димитрий Солунский, 26.10	Стефан, первомч., 27.12
Иаков Алфеев, 09.10	Стефан, папа Римский / Стефан, первомч. Перенесение мощей, 02.08
Иаков Зеведеев, 30.04	Тимофей Чтец, 03.05
Иоанн Богослов, 26.09	Феодор Стратилат, 08.02
Иоанн Богослов, 08.05	Феодор Стратилат, Перенесение мощей, 08.06
Иоанн Креститель, 07.01	Феодор Тирон, 17.02
Иоанн Креститель, Зачатие, 23.09	Феодосий Великий, 11.01
Иоанн Креститель, Рождество, 24.01	
Иоанн Креститель, Обретение главы, 24.02	
Иоанн Креститель, Усекновение главы, 29.08	

2. Празднования святым, популярные в имянаречении

Алексий, митроп., 05.10	Иоанн Лествичник, 30.03
Алексий, митроп., Обретение мощей, 20.05	Иов Многострадальный, 06.05
Амвросий Медиоланский, 07.12	Лука Евангелист, 18.10
Андрей Цареградский (Критский), 17.10	Максим Исповедник, 13.08
Аникита, мч., 12.08	Матфей Евангелист, 16.11
Артемий, вмч., 20.10	Михаил Тверской, кн., 22.11
Афанасий Александрийский, 02.05	Никита Исповедник, игумен Мидикийский, 03.04
Афанасий Афонский, 05.07	Никифор Антиохийский, 09.02
Афанасий, патриарх Цареградский, 24.10	Павел Исповедник, 05.11
Борис, кн., мч., 02.05	Петр Афонский, 12.06
Василий Амасийский, 26.04	Петр, митроп., 05.10
Василий Блаженный, 02.08	Петр, митроп., Перенесение мощей, 24.08
Власий, еп. Севастийский, 11.02	Порфирий, еп. Газский, 26.02
Ермил, мч., 13.01	Симеон Столпник, 01.09
Иаков брат Господень, 23.10	Тимофей, ап., 22.01
Иаков Исповедник, 20.03	Феодор Освященный, 16.05
Илья, прор., 20.07	Феодор Сикеот, 22.04
Иоанн Дамаскин, 04.12	Филипп Диакон, ап., 11.10
Иоанн Креститель, Обретение главы, 25.05	Филипп, ап. из двенадцати, 14.11

3. Празднования святым, умеренно популярные в имянаречении

Аверкий, еп. Иерапольский, 22.10	Димитрий Углицкий, царевич, 15.05
Авраамий Затворник, 29.10	Димитрий Углицкий, царевич, Перенесение мощей, 03.06
Аггей, прор., 16.12	Дионисий Ареопagit, 03.10
Адриан, мч. Никомидийский, 26.08	Евдоким Праведный, 31.07
Азарий, отрок, 17.12	Евсигний Антиохийский, 05.08
Александр, мч., 15.03	Евстафий Плакида, 20.09
Амос, прор., 15.06	Евфимий Великий, 20.01
Андрей, ап., Собор 12 апостолов, 30.06	Елисей, прор., 14.06
Андроник, ап., 17.05	Ермолай, свщмч., 26.07
Антипа Пергамский, 11.04	Ефрем Сирин, 29.01
Артемон, еп. Селевкийский, 24.03	Иаков Персиянин и Иаков Ростовский, 27.11
Архип, ап. от семидесяти, 19.02	Игнатий Богоносец, 20.12
Владимир, св., кн., 15.07	Игнатий Богоносец, Перенесение мощей, 29.01
Георгий Малеев, 04.04	Иларион Великий, 21.10
Георгий Победоносец, 23.04	Иларион Новый Исповедник, 06.06
Герасим на Иордане, 04.03	Иларион, игумен Пеликитский, 28.03
Григорий Богослов, Собор трех святителей, 30.01	Иоаким, родитель Богородицы, 09.11
Григорий, сомч. Стефана Нового, 28.11	Иоанн, бессребреник, 31.01
Григорий, еп. Акрагантский, 23.11	Иоанн Ветхия Лавры, 19.04
Григорий просветитель Армении, 30.09	
Даниил, прор., 17.12	

Иоанн Воин, 30.07	Павел, ап., 29.06
Иоанн Златоуст, 14.09	Павел Обнорский, 10.01
Иоанн, патриарх Цареградский, 30.08	Панкратий Тавроменийский, 09.07
Иоанн Постник, 02.11	Петр, кн., 25.06
Иоанн Рыльский, 19.10	Петр, митроп., Обретение мощей, 04.08
Иоанн, сопостник Симеона Юродивого, 21.07	Пимен Великий / Пимен Палестинский, 27.08
Иоанн Устюжский, 29.05	Пров, мч. Киликийский, 12.10
Иосиф Песнописец, 04.04	Прокопий Декаполит, 27.02
Иосиф Солунский, 13.07	Прокопий Кесарийский, 08.07
Исидор, мч. Хиосский, 14.05	Савел Персидский, 17.06
Иустин Философ, 01.06	Самсон Странноприимец, 27.06
Киприан, мч. Никомидийский, 02.10	Сергий, мч., 07.10
Кир, бессребреник, 31.01	Сергий Радонежский, 25.09
Кирилл Александрийский, 09.06	Симеон Иерусалимский (сродник Господень), 27.04
Кирилл Иерусалимский, 18.03	Симеон, еп. Иерусалимский, 18.09
Климент Анкирский, 23.01	Симеон Персидский, 17.04
Кодрат Коринфский, 10.03	Спиридон Тримифунтский, 12.12
Кодрат Никомидийский, 10.03	Стефан Исповедник, 28.03
Конон Исаврийский, 05.03	Стефан Махрищский, 14.07
Константин, равноап. / Константин Муромский, кн., 21.05	Стефан Новый, 28.11
Косма Безмездник, 01.07	Стефан Савваит, 28.10
Леонтий, мч. Трипольский, 18.06	Тарасий, архиеп. Константинопольский, 25.02
Лукиан Антиохийский, 15.10	Тимофей в Символех, 21.02
Максим Исповедник, 21.01	Тихон Чудотворец, 16.06
Матфей, ап., 16.10	Феодор Муромский, кн., 21.05
Мефодий, еп. Патарский, 20.06	Феодор Пергийский, 21.04
Мина, вмч., 11.11	Феодор Смоленский, 19.09
Мирон, пресвитер, 17.08	Феодор Трихина, 20.04
Митрофан, патриарх Цареградский, 04.06	Феодот Киринейский, 02.03
Михаил Муромский, кн., 21.05	Феофилакт Исповедник, 08.03
Михаил Черниговский, кн., 20.09	Филимон, ап. из семидесяти, 22.11
Михаил Черниговский, кн., Перенесение мощей, 14.02	Флор, мч., 18.08
Наум, прор., 01.12	Фома, ап., 06.10
Никифор Исповедник, 02.06	Фома Маленн, 07.07
Онисим, ап., 15.02	Харалампий, свщмч., 10.02

4. Празднования святым, редкие в имянаречении

Авдий, прор., 19.11	Василий, еп. Херсонский, 07.03
Авраамий Смоленский, 21.08	Василиск, племянник Феодора Тирона, 22.05
Александр Невский, кн., 23.11	Вукол, еп. Смирнский, 06.02
Антоний Печерский, Преставление, 07.05	Георгий Исповедник, митроп. Митиленский, 07.04
Варфоломей, ап., 25.08	

- Георгий Победоносец, Обновление храма в Лиде, 03.11
Георгий Новый, 26.05
Глеб, кн., мч., 24.07
Григорий, архиеп. Александрийский, 05.11
Григорий Двоеслов, 12.03
Давид Солунский, 26.06
Дий, прп., 19.06
Димитрий, царевич, 19.10
Димитрий Цареградский, 27.01
Евфимий, еп. Новгородский, 11.03
Елеазар, наставник Маккавеев, 01.08
Емельян Доростольский, 18.07
Ермий, мч., 31.05
Захария, родитель Иоанна Предтечи, 05.09
Зиновий, еп. Егский, 30.10
Иакинф Кесарийский, 03.06
Игнатий Ростовский, 28.05
Иоанн, еп. Новгородский, 07.09
Иоанн Палестинский, 26.01
Иоанн, ученик Григория Декаполита, 18.04
Иоанникий Великий, 04.11
Иосиф Обручник, 26.12
Иосиф Пресвитер, 03.11
Иродион, ап. от семидесяти, 08.04
Исаакий Далматский, 03.11
Исидор Пелусиот, 04.02
Каллистрат, мч., 27.09
Карп, ап., 26.05
Кирилл, еп. Горгинский, 14.06
Кирилл Философ, 14.02
Климент, папа Римский, 25.11
Косма Маюмский, 12.10
Лонгин Сотник, 16.10
Лукиан, свщмч. / Лукиан Тарсянин, мч., 03.06
Марк Арефусийский, 29.03
Маркелл, игумен, 29.12
Мартин, папа Римский, 14.04
Мартирий и Маркиан Цареградские, 25.10
Мемнон Чудотворец, 29.04
Меркурий, вмч. / Меркурий Смоленский, 24.11
Михей, прор., 14.08
Моисей Мурин, 28.08
Назарий Медиоланский, 14.10
Нестор Солунский, 27.10
*Николай Мирликийский, 06.12
(приходит только иностранец-грек)
Николай из сорока Севастийских мчч., 09.03
Никон, еп. Сицилийский, 23.03
Петр Ключарь, 26.01
Петр Мних, 22.02
Роман Дьякон, 18.11
Савва Сторожевский, 03.12
Савин, мч., 16.03
Самуил, прор., 23.08
Сергий Радонежский, Обретение мощей, 05.07
Сильвестр, папа Римский, 02.01
Симеон Дивногорец, 24.05
Симеон Юродивый, 21.07
Симон, еп. Владимирский, 20.05
Симон Зилот, ап., 10.05
Терентий, мч. Африканский, 28.10
Тит Чудотворец, 02.04
Фаддей, ап., 21.08
Феодор Исповедник, 26.01
Феодор Начертанный, 27.12
Феодор Печерский, 11.08
Феодор Ростовский, 08.11
Феодор Сикеот, Перенесение мощей, 15.06
Феодор Смоленский, кн., Перенесение мощей, 05.03
Феодот Анкирский, 18.05
Феоктист, игумен в Кукуме, 04.01
Ферапонт Сардийский, 27.05
Хрисанф, мч., 19.03